

АННА
ДАНИЛОВА

DA

НЕАПОЛИТАНСКАЯ КОШКА

Психологический детектив

Анна Данилова
Неаполитанская кошка
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42563530

Неаполитанская кошка: [роман] / Анна Данилова: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-101764-4

Аннотация

Семь лет назад Зоя Валентинова потеряла самого близкого человека – ее муж Алекс бесследно исчез на дороге, оставив после себя лишь окровавленную кроссовку. Она почти смирилась с участью вдовы, долгие годы оплакивая любимого. Пока одним несчастным утром соседка не показала ей видео из Интернета: простой прохожий из Неаполя кормит на набережной кошек. Пораженная, Зоя узнала в нем своего Алекса! Это был он. Ошибки быть не могло. И вот, бросив свои розы и огород, Зоя отправляется в Неаполь. Здесь, в этом райском месте, обернувшимся для нее настоящим адом, городом, где разбились все ее надежды и мечты, Зоя оказалась втянута в чудовищное преступление международного масштаба...

Содержание

1	5
2	7
3	30
4	43
5	52
6	58
7	80
8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Анна Васильевна Данилова

Неаполитанская кошка

© Данилова А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

1

– Did you see what I sent you? Yes? So how? You know, I, too, at first suggested so much, how much we saw with you all, a million fakes, moreover, of very high quality. But this film is clean, it was checked a hundred times... And this is not a dream, John. This is all true. And we must do everything that he was with us. By hook or by crook. Do not believe your eyes? That's the whole point! You know, I have seen a lot in my life, and it is difficult to surprise me, but this is... Just fantastic! Of course, we will not hurry, they promised me to send something interesting from day to day, from the same place... But if all this is confirmed, our friends will help us, rest assured – they will bring it to us in a beautiful box, tied with a red bow! Like this. And now, John, I will drink whiskey for me and go to sleep. Jane has already laid down... It is a pity that I can not show her this video... She would be crazy...¹

¹ – Ты посмотрел, что я тебе прислал? Да? Ну и как? Знаешь, я тоже сначала так предположил, уж сколько мы всего с тобой видели, миллион подделок, причем весьма качественных. Но эта пленка чистая, ее сто раз проверили... И это не сон, Джон. Это все – чистая правда. И мы должны сделать все, чтобы он был у нас. Вот всеми правдами и неправдами. Не веришь своим глазам? В том-то все и дело! Ты знаешь, я многое в своей жизни повидал, и меня трудно удивить, но это... Просто фантастика! Торопиться, понятное дело, не будем, мне со дня на день обещали прислать еще кое-что интересное, оттуда же... Но если все это подтвердится, то наши друзья нам помогут, уж будь спокоен – нам его принесут в красивой коробке, перевязанной красным бантом! Вот так. А сейчас, Джон, я

выпью за нас с тобой виски и пойду спать. Джейн уже легла... Жаль, что я не могу ей показать это видео... Она бы сошла с ума (англ.).

2

Я очень хорошо помню тот теплый июньский день, когда наконец-то распустилась моя роза «императрица Фарах». Я так долго этого ждала, что, когда наконец раскрылся сливочного цвета бутон, я не поверила своим глазам. Она была так хороша и необыкновенна, словно ее, чистую и белую, кто-то взял и окунул концами лепестков в свежую кровь.

Конечно, мне надо было раньше заказать эту розу и начать ее размножать, но у меня в саду и других роз было много, и все – одна чудеснее другой.

Вместе с этой радостью у меня была и еще одна – отсутствие утреннего звонка Миши Гольдмана, моего злейшего врага, влюбленного в меня, что называется, насмерть.

Удивительный человек, ведь все ему объяснила, еще семь лет тому назад, на что он надеется?

Звонит каждое утро и каждый вечер, типа, «доброе утро», «добрый вечер», «как дела» и все такое.

Да какая ему разница, как у меня дела, ведь у него семья, жена-адвокат и две дочки – розовощекие симпатичные блондиночки. Чего не живет человек спокойно?

Да если бы не его упертость, которую он называет любовью, я до сих пор работала бы медицинской сестрой в клинике и не ушла бы оттуда, на эмоциях хлопнув дверью.

Хотя, кто знает, может, так оно и лучше было – уйти с ра-

боты, сдать свою московскую квартиру и поселиться за городом, заняться выращиванием роз, да просто утонуть в целительной лени.

Ровно семь лет тому назад я стала вдовой.

Моего мужа, Александра Валентинова (я с самого начала звала его Алексом), сбила машина. Да так, видать, сильно сбила, что на дороге нашли только окровавленную кроссовку и ключи от дома.

Я где-то слышала, что после сильного удара во время наезда автомобиля на человека, тело вообще словно выбивается из обуви и улетает на несколько метров.

В нашем случае, полагаю, было так же, за исключением того, что сбивший (гад и трус, которого я презираю и никогда в жизни не прощу за смерть мужа), вместо того, чтобы отвезти раненого Алекса в больницу или вызвать полицию, наверняка его где-то закопал.

Может, конечно, сначала пытался лечить, такое тоже случается. Как в кино.

Может быть, лежал мой муж, прикованный к кровати, в каком-нибудь заброшенном доме, куда к нему поначалу приехал доктор, чтобы делать перевязки. Ну а потом, когда уже стало ясно, что он не жилец, его просто закопали где-нибудь в саду.

Следствие велось вяло; в течение недели, прошерстив траву вдоль шоссе, нашли еще и вторую кроссовку, и тоже всю в крови.

Однако автомобиля, который превратил тело моего мужа в кусок мяса, так и не нашли.

Я, конечно, горевала, не могла спать, совсем себя извела, смотря сутками напролет наши семейные видео, пока моя подруга Ларка не отвезла меня на дачу.

Она даже отгул взяла ради меня, ухаживала за мной, как за тяжелобольной, варила мне бульоны, кормила меня дорогой цветочной пыльцой, которая, по ее убеждению, должна была помочь мне восстановить силы.

– Зоя, тебе лучше пожить здесь, на природе, хотя бы пару месяцев, – предложила она, и я согласилась.

Я тогда много спала, гуляла по дачному поселку, подружилась с соседями, охотно делала кому-то уколы, кому-то банки от простуды ставила, составляла травяные смеси от кашля. Словом, пыталась окунуться в другую жизнь, занять себя чем-нибудь полезным.

И главное, на даче мне практически ничего не напоминало об Алексее.

Он редко бывал здесь, предпочитая все свое свободное время проводить у своего друга и коллеги Алика Банка.

Я знала, что у него на квартире время от времени собирается чисто мужская компания, где играют в карты, пьют коньяк и бренчат на гитаре.

Я никогда ничего против этого не имела.

Тем более что, перед тем как выйти замуж за Алекса, мы обо всем договаривались, как говорится, «на берегу» – нам

было не по двадцать лет, мне тридцать, Алексу – сорок два, и у каждого за плечами была своя жизнь, свои друзья и привычки (не говоря уже об ошибках, на которых надо бы учиться, чтобы их не повторять).

Мы договорились не мешать друг другу.

Так я время от времени встречалась со своими подружками, и мы проводили время в кафе или ресторанах, на природе или даче одной из нас, а Алекс играл в преферанс в компании Алика, такого же ученого-физика, как и он сам. И жили мы при этом просто прекрасно.

Наш брак продлился недолго, всего полтора года, но если бы меня спросили, что такое счастье, я ответила бы – жизнь с Алексом.

Умный, ироничный, все понимающий и все позволяющий, он всегда был доволен мною, даже когда можно было бы устроить скандал.

С ним было весело, я могла позволить себе быть самой собой и не притворяться, не изменять уж сильно своим привычкам. Мне доставляло удовольствие делать и его счастливым.

Не знаю, почему некоторые женщины считают домашние дела какой-то каторгой или рабством, все это полная чушь.

Я с удовольствием готовила Алексу, в нашей квартире всегда было чисто (для этого мы оборудовали ее умной техникой, которая мне во всем помогала), и мы жили душа в душу.

Так как смеялся Алекс, не смеялся никто – заразительно, мило. Он жил как-то легко, радовался разным мелочам, как ребенок, был нежен и заботлив, да что там – он был просто замечательным человеком и любящим мужем! А сколько всего он знал! До сих пор не пойму, что он-то, такая умница, ходячая энциклопедия, нашел во мне, простой медицинской сестре, пусть и из хирургии.

Хотя, быть может, его сразила наповал моя забота, которую я оказывала ему в послеоперационный период в больнице, где ему вырезали желчный пузырь.

Конечно, мне по штату положено было заниматься своими делами в операционной и уж никак не ухаживать за больными и уж тем более не учить их ходить после операции.

Но видимо, я все-таки, влюбилась в него, иначе как объяснить, что когда увидела его первый раз, когда его только привезли с приступом (операцию, слава богу, делали не мы с Леней Брюхановым, нашим хирургом), то сразу почему-то подумала, что вот этот мужчина наверняка никогда не кричит на свою жену, не устраивает ей скандалы (как это было в моем первом браке с одноклассником и психом-неудачником Димой, который только и знал, что устраивал мне выволочки из-за денег, которые, по его мнению, я тратила налево и направо)...

Не знаю, почему я так подумала, ведь я видела только, как он лежит в приемном отделении, длинный, худой, в голубых джинсах и белых носках, и кажется таким беззащитным и

брошенным.

Однако, даже корчась от боли, Алекс умудрялся шутить с лежащим рядом с ним на кушетке страдающим от несварения желудка стариком, рассказывал ему анекдоты. Чем-то он привлек мое внимание.

Должно быть, я смогла как-то прочувствовать его, понять, что он за человек. Да и лицо его было красивым, немного вытянутым, с крупным, красивой формы, носом, тонкими губами и впалыми щеками. И глаза, немного выпуклые, прикрытые тяжелыми веками, почти черного цвета и умные. Да-да, умные глаза с проникновенным, внимательным взглядом. Волосы почти седые, коротко стриженные.

Я знала, что его будут готовить к операции, потому как желчный пузырь его был набит камнями, и что оперировать будет наша прекрасная Лара Трофимова, моя подруга.

Я проследила за всем, что происходило с Алексом в больнице, была в курсе, как прошла операция, как он себя чувствует, и как бы случайно выяснила, что он не женат.

Возможно, появившись в его палате такая же интеллигентного вида женщина, жена, я ограничилась бы лишь наблюдением за пациентом дистанционно, но поскольку к нему приходил только примерно такого же возраста, как и он, мужчина, не то брат, не то друг, я решила немного поухаживать за ним...

Так мы познакомились, подружались, и мне было абсолютно все равно, что болтают за моей спиной медсестры и врачи.

У нас с Алексом случился роман, и наш главврач, Гольдман Михаил Евгеньевич, который давно уже добивался меня, был просто в бешенстве.

Он несколько раз вызывал меня к себе в кабинет, чтобы сделать внушение, мол, не нужен тебе этот «физик-ботаник», что стыдно, Зоя, крутить любовь на рабочем месте. Пытался убедить меня в том, что если я буду к нему, к Гольдману, благосклонна, то мне и вовсе не придется работать и что я смогу спокойно сидеть дома и смотреть сериалы (некоторые мужчины всерьез считают, что для женщины это и есть настоящее счастье).

Словом, нес такую пургу, что мне было за него даже стыдно.

Возможно, он действительно был в меня влюблен и таким вот дурацким способом выражал эту свою любовь, или же я просто оставалась той единственной, не помеченной им как самцом особой женского пола, добиться которую было для него делом чести (это как опытному охотнику пристрелить последнего в лесу оленя).

Много лет прошло, целых семь, как Алекса не стало, и я, понятное дело, как-то научилась жить одна. Любовники – не в счет. Их было всего трое, и все женатые, однако – я никогда в жизни не подпустила бы к себе Мишу Гольдмана. Даже если бы он развелся со своей женой и ограничивался бы выходными, чтобы посвятить их дочкам, – все равно.

Гольдман был свидетелем нашей с Алексом любви, и ино-

гда, когда, уже вдовствующую, он навещал меня, то я начала подозревать именно его в смерти моего мужа.

Откуда было у меня это чувство – сама не знаю.

Но как-то уж сразу, чуть ли не на следующий день после похорон (хоронили пустой гроб) он навестил меня первый раз, привез денег, вина, сказал, что готов заполнить пустоту в моем сердце. Однако что-то подсказывало мне, что истинной его целью является заполнить пустоту рядом со мной в кровати, занять место Алекса.

В тот день, когда распустилась моя роза «императрица Фарах», я с самого утра нервничала в ожидании звонка Гольдмана, так не хотела, чтобы он звонил и задавал свои дурацкие вопросы, мол, как ты поживаешь, не нужно ли тебе чего.

Думаю, к тому времени я уже была вполне готова к тому, чтобы бросить ему в лицо обвинение в убийстве Алекса.

Четкого плана у меня не было, поскольку не было никаких улик и тем более доказательств. Понятно же, что одной интуицией здесь было не обойтись. Да и в чем я могла его упрекнуть? В том, что он реально заботится обо мне?

Конечно, было и еще кое-что, что могло бы послужить доказательством его вины, да только и здесь все было непросто.

Деньги, которые подбрасывали мне в мой почтовый ящик, могли быть восприняты мной как мощные извинения за смерть мужа. Но как доказать, что их приносил Михаил?

К тому же помимо этих подношений, откупных, были еще и реальные, в конвертах, деньги, которые Миша приносил вполне легально, и когда я отказывалась их принимать, оставлял их на пороге моего дома.

Вот и спрашивается, если Миша и без того приносил мне деньги (на бедность, надо полагать), то зачем бы ему было подкидывать значительные суммы еще и в почтовый ящик.

Словом, после смерти мужа я уж точно не бедствовала, и любые мои попытки отказаться от Мишиной благотворительности грозили обернуться скандальным выбрасыванием конверта за ворота, прямо на дорогу!

Пару раз Миша уже бросался к воротам, готовый в сердцах вышвырнуть деньги на ветер.

Этого я точно не могла допустить.

Во мне тогда сразу же просыпалась вполне себе реальная, здравомыслящая Зоя, которая, пораскинув мозгами, понимала, что с помощью этих денег она сможет облагодетельствовать кого-то конкретного, помочь реальным остро нуждающимся людям, да тем же проблемным подругам-разведенкам, пострадавшим от мужского коварства.

Вот так я и жила, сонно и тихо, держа на коротком поводке (и ничего не обещая) своего бывшего шефа и тайно от него встречаясь с другими мужчинами.

Однако свидания эти никогда не приносили мне радости.

Распрощавшись с очередным любовником и вернувшись со свидания домой, я всегда испытывала странное чувство,

смесь вины и какой-то вселенской досады от того, что встречи носили скорее гигиенический характер, чем любовный.

Я искала тепла, ласки и как бы понимала себя и даже оправдывала, но не получала же!

Все было не то.

Мне так не хватало Алекса с его нежностью и теплыми руками, губами. И самое ужасное заключалось в том, что, даже имея крышу над головой, деньги и возможность нигде не работать, я не чувствовала себя защищенной.

С меня тогда, семь лет тому назад, словно содрали кожу, и я стала уязвимой, ранимой и физически постоянно мерзла.

Именно тогда у меня и появилась потребность вязать теплые вещи.

Все, что продавалось, меня не устраивало, мне хотелось свитер в две или даже три толстые шерстяные нитки, и я сначала вязала просто длинные теплые балахоны, а потом уже начала изучать узоры, копировала себе схемы с «шерстяных» сайтов, накупила пряжи...

Стыдно сказать, что именно тогда, в самое трудное для меня время, я под села на сериалы. И чем примитивнее был сериальчик, тем умиротвореннее я себя чувствовала.

Даже ложась спать, я не выключала стоящий в изголовье кровати ноутбук и засыпала, уже не глядя, а только слушая очередную серию. Так глушила свою тоску, считая такой образ жизни все же куда более невинным, чем, к примеру, алкоголь.

Мы подружались с Ладой, молодой мамочкой, живущей в соседнем доме в нашем поселке.

Примитивное существо, помешанное на своем ребенке, домашнем хозяйстве и кулинарии, она тем не менее вносила в мое существование элемент самой жизни. Рассказывала об отношениях со своим мужем-бизнесменом, о болезнях малыша, делилась новыми рецептами.

Думаю, тогда-то и я понемногу начала готовить, хотя есть приготовленное было некому.

Да, в тот день распустилась моя роза, и я на какой-то миг почувствовала себя счастливой. И разве могла я предположить, что именно тогда, в тот теплый июньский день, начнется отсчет дьявольского движения по наклонной, которое в конечном итоге и приведет меня если не к электрическому стулу, но к высшей мере наказания за измену Родине – двадцати годам тюрьмы...

Словно судьба, дав мне семь лет полного спокойствия, сопряженного с процессом отупения и деградации, решит встряхнуть меня как следует, помучить напоследок перед тем, как посадить за решетку.

Лада, женщина эмоциональная, впечатлительная, склонная к преувеличению, и каждый ее приход всегда сопровождался какой-то суетой, будоражащими лишь ее новостями, событиями, чувствами. О чем бы она ни рассказывала мне, все, даже самый обычный пустяк типа пересоленного ею же

борща или мелкой ссоры с мужем, выглядело, как трагедия, личная драма.

Заявляясь ко мне в любое время дня и ночи, она никогда не ограничивалась одним нажатием на кнопку звонка, она давила на нее долго и часто, образуя вокруг себя какое-то нервное электричество, которое почему-то передавалось и мне.

Она словно затягивала меня в свою проблему, выставляя ее по-настоящему серьезной, даже трагической и требующей моего безотлагательного участия.

Возможно, ей казалось, что она живет бурной и насыщенной жизнью, хотя на самом деле все было совершенно не так. Общаясь с нею, я почему-то всегда представляла ее режиссером провинциального театра с завышенным самомнением и склонностью все гиперболизировать.

Вот и в то утро мой дом наполнился залиистой трелью проснувшегося звонка – Лада пришла. Я выглянула в кухонное окно – точно, она.

Уж не знаю почему, но при всех своих качествах и бесцеремонности, она все равно не раздражала меня. Больше того, я радовалась ее приходу.

Лада, белокожая, румяная молодая женщина с копной рыжих буйных кудрей, которые она украшала цветными лентами и заколками в виде цветов, несомненно, была олицетворением женского и материнского счастья и вообще очень светлым человеком. Поэтому, увидев ее в то утро в окно, я

улыбнулась и пошла открывать.

Распахнув дверь и увидев стоящую на пороге Ладу в цветастом сарафане и с тарелкой, прикрытой салфеткой, я сделала приглашающий жест рукой, однако она даже не пошевелилась.

Я удивленно вскинула брови.

Что случилось?

Лада смотрела на меня так, как если бы я стояла перед ней с забинтованной головой, причем бинты были бы пропитаны кровью, – ей словно было больно за меня.

Она даже губу свою розовую прикусила, разглядывая мое лицо.

– Привет. Что со мной не так? – Я попыталась улыбнуться, однако у меня ничего не получилось, я чувствовала, что произошло что-то серьезное.

Я хотела было уже спросить, не разводится ли она со своим Сергеем, не умерла ли ее любимая кошка, но тарелка, прикрытая салфеткой, все же вселяла оптимизм.

Лада что-то приготовила и принесла меня угостить.

Ну, не свежевырванное же сердце супруга она принесла мне на блюде!

– Входи!

Она осторожно вошла, не спуская с меня глаз.

– У меня вроде сыпи нет, да и челюсть не свернута... Что ты так смотришь на меня?

– К-кекс... Вот, – протянула она мне вместо ответа тарел-

ку. – Лимонный.

– Отлично. Спасибо. Какое же это счастье, что мне можно есть лимонные кексы килограммами, и я не потолстею, – я взяла тарелку и углубилась в дом, предполагая, что она последует за мной.

На кухне я сразу же включила кофеварку.

Кофе – что может быть приятнее в этот утренний час?

– Ну, давай, выкладывай, что там у тебя случилось?

Лада, устроившись на своем месте, возле окна лицом ко мне, продолжала молча разглядывать меня.

– Ты встретила мою сестру-близняшку и не знаешь, как мне об этом рассказать?

Она покачала головой.

Значит, я промахнулась.

Разумеется, ведь никакой сестры у меня нет. Да у меня уже вообще никого нет. Мама подбросила меня бабушке (которой уже давно нет и по которой я до сих пор тоскую!) и сбежала, когда мне было всего-то пять лет, отца своего я не знала.

Может быть, Лада посмотрела какое-нибудь очередное телевизионное шоу, где говорилось о моей пропащей матери? Может, она стала известной актрисой или политическим деятелем?

В голову лезла всякая чепуха. И все потому, что Лада молчала и не рассказывала, как это всегда было, о своем сыночке Дениске (о том, что у него болит живот или начался кашель),

ни разу не произнесла «мой Серж» (слишком рано уснул, не пожелав спокойной ночи и не поцеловав, купил не те памперсы).

У меня было желание схватить Ладу за плечи и хорошенько ее встряхнуть.

– Лада, да что случилось-то?

– Вот, лимонный кекс, – повторила она, и у меня на макушке зашевелились волосы. Я испугалась за ее психическое здоровье.

– Да, я поняла. Лимонный кекс. И что дальше? Спасибо, конечно. Но что в нем особенного?

– Он очень вкусный. – И снова этот долгий странный взгляд.

– Слушай, подруга, тебя что, пыльным мешком по голове огрели, что ли?

– Я тебе скажу сейчас кое-что, только пообещай мне...

Хорошенькое начало! Так все всегда говорят, когда не могут хранить чужие секреты.

– Валяй, обещаю никому и ничего не рассказывать.

– Нет, не то. Пообещай мне, что не подумаешь, будто бы я свихнулась.

– Инопланетян увидела?

– Почти.

– В смысле?

– Я Алекса видела. Сегодня утром.

Невидимый ежик легкими лапками пробежал по моей го-

лове. Сначала я испугалась, а потом как-то сразу успокоилась.

Вероятно, Лада, бродя по кулинарным просторам Интернета, наткнулась на какое-нибудь фото или видео моего мужа-физика. Что ж, он в свое время давал какие-то интервью (которых терпеть, кстати, не мог). К тому же о нем в свое время довольно много писали, ведь он был умницей, придумывал какие-то оригинальные ноу-хау, предполагаю даже, что продавал некоторые свои разработки, связанные (как он мне нехотя рассказывал) с поиском каких-то особенных лучей, способных убить раковые клетки, к примеру.

Иначе откуда бы у нас было столько денег, которые он так щедро на меня тратил?

Возможно, кстати говоря, что те деньги, что подбрасывались мне в серых плотных конвертах, были как раз результатом его нелегальной деятельности.

Вот только трудно было представить себе какого-нибудь порядочного человека, который даже после смерти Алекса продолжал бы делиться со мной, единственным близким ему человеком, полученной с помощью этих самых разработок прибылью.

Здесь я должна объяснить еще кое-что.

Вероятно, я как-то совсем уж легко рассказала об этих деньгах. Как о чем-то само собой разумеющемся.

Хотя на самом деле, после того как я обнаружила их первый раз в своем почтовом ящике, то испугалась. И первое,

что мне пришло в голову, это, конечно, связь со смертью Алекса.

Помнится, я тогда долгое время плохо спала, вздрагивала, когда слышала какие-то, как мне казалось, подозрительные звуки за окном и в доме. Очень боялась, что объявится тот, кто сбил Алекса.

Потом я решила, что это просто какое-то сумасшествие, и что никто, находясь в своем уме, не станет признаваться в убийстве. До сих пор не могу понять, откуда взялись эти мысли.

Деньги я не тратила, спрятала их в доме, в надежном месте. Но когда подкинули второй конверт, набитый евро, мне стало и вовсе уж не по себе. И вот тогда я все-таки пришла к мысли, что эти деньги – на самом деле проценты от каких-то реализованных с помощью мозгов моего мужа медицинских проектов. И что, вероятно, на его пути в свое время просто встретился порядочный человек. Может, руководитель лаборатории и тоже ученый или делец-фармацевт.

Словом, каждый месяц я находила конверт с деньгами, складывала их в одно место, а потом все-таки начала потихоньку тратить.

Первым делом расплатилась с коммунальщиками, которым сильно задолжала, потом занялась своим здоровьем, ходила на массаж, покупала дорогостоящие лекарства, чтобы привести в порядок свои нервы.

Да, тот самый день, Лада...

Она сказала, что видела Алекса.

– Нет-нет, не фотографию... – она снова напустила туману. – Но можно сказать, что видео. Но не старое, а новое.

Она рассказала, что вечером, как это обычно и бывало, когда все в ее доме засыпали, в том числе и ребенок, она «провалилась», что называется, в Интернет, а точнее, в один кулинарный канал, который ведет наша соотечественница, проживающая в Италии.

Дамочка вышла замуж за итальянца и живет себе спокойно, зарабатывая на своих кулинарных блогах небольшие деньги.

– Знаешь, я уже уснула, просмотрев целую кучу ее видео, и проснулась, когда она, закончив печь свой лимонный кекс, пообещала в следующем видео рассказать о своей поездке в Неаполь. Я задремала под ее нежный воркующий голосок, возможно даже, мысленно оказалась вместе с ней в Неаполе... Но потом чихнула, проснулась и вдруг, взглянув на экран, увидела твоего Алекса.

«Дура ты, Лада!» – хотела сказать я ей в сердцах, понимая, что понапрасну так разволновалась, к тому же сильно разлилась на нее за то, что она, впрочем, как и всегда, снова все преувеличила, нафантазировала себе. Алекса она увидела. В толпе. Да, конечно, так я в это и поверила.

– И в каком ты виде его увидела?

– Он прогуливался по набережной, за его спиной был Ве-

зувий, и... кормил кошек.

– Мой погибший Алекс кормил кошек в Неаполе, так? Обознаться ты, конечно, не могла, да?

– Могла, но это он, точно тебе говорю. Сама подумай, труп ты его не видела, ты его не хоронила, ведь так? А что, если он просто взял да и сбежал? Может, за ним полиция охотилась, я не знаю... – Она выглядела растерянной. – Нет, ты не подумай, он сбежал не от тебя, а вообще! Может быть, у него неприятности какие-то были, и тебе ничего об этом не было известно.

– Но мой Алекс не такой... Он не смог бы со мной так поступить, – сказала я, чувствуя, как меня начинает тошнить.

Мой организм отказывался воспринимать подобную унижительную для меня версию и сопротивлялся.

– Ты сама возьми и посмотри. Я тебе назову имя этой кулинарки, и ты сама найдешь ее в ютубе.

Я принесла ноутбук, открыла его, набрала в ютубе имя этой счастливицы, проводящей выходные в Неаполе (сама она, по словам Лады, проживает в каком-то маленьком провинциальном городке), пролистнув на ее странице «Лимонный кекс», включила следующее видео.

Нежная миниатюрная блондинка по имени Тамара, шурясь на солнце, двигалась с видеокамерой по берегу Тирренского залива и рассказывала о том, как ей повезло, что они с мужем сняли номер в гостинице с видом на Везувий.

Прогуливаясь по набережной, она обратила внимание на

греющихся на солнышке кошек, затем объектив видеокамеры сдвинулся и словно уткнулся в лицо мужчины, сосредоточенно открывающего коробку с кошачьим кормом.

Затем – крупным планом – его руки, загорелые, с длинными пальцами. Корм, как кофейные зерна, рассыпался на гладком камне, и сразу три кошки, серая, черная и трехцветная, принялись подбирать гранулы.

Камера отъехала назад, и я увидела Алекса, худого и слегка постаревшего. Он кормил неаполитанских кошек.

У меня закружилась голова, и я едва не потеряла сознание.

– Ну, что я говорила? – тихо спросила меня Лада. Никакого торжества в ее голосе не было, она была напряжена. Вероятно, боялась за меня. – Скажи, похож?

Но он не был похож, это был точно он.

Многое можно изменить в человеке, если постараться. Хирургическим путем. Или же это сделают годы, и тогда шевелюра на голове побелеет, кожа станет сухой и морщинистой, даже лицо может измениться, либо щеки надуются, либо, наоборот, от худобы станут впалыми. Да и нос тоже может пострадать, скажем, при травме. Да много чего может измениться и повлиять на внешность. Но только не уши.

У Алекса были маленькие, аккуратные, прижатые к черепу уши своеобразной формы, как сплюснутые улитки.

Я прокрутила видео обратно, чтобы снова увидеть ту часть, где его засняли крупным планом.

Вот его лицо вполоборота, его профиль, подбородок, нос с горбинкой, высокие скулы и впалые щеки.

Да, он заметно поседел, но волосы его оставались такими же густыми, слегка вьющимися. Он отрастил их почти по плечи, да и вообще выглядел как свободный художник. В голубых широких джинсах, белой рубашке с большим вырезом, сквозь который видна была коричневая от загара грудь.

Блондиночка с камерой двинулась дальше вдоль набережной, и я успела увидеть Алекса уже издали – он поглаживал кошек с видом человека, которому ничего в жизни больше и не осталось, как эти морские прогулки с кошачьим кормом в кармане...

– Лада, это не он, – сказал мой рот. Да, я произнесла это помимо моей воли. Словно кто-то внутри меня предупредил о том, что мне лучше помалкивать. Никто, даже Лада не должна знать о том, что я увидела Алекса. – Но очень похож, действительно... Уф, ну и напугала ты меня. Я уж подумала, что ты увидела его призрак...

Я говорила еще какую-то чепуху, суетилась, открывая и закрывая кухонные шкафчики, протирая и без того чистые и сухие кофейные чашки и при этом боясь взглянуть Ладе в глаза.

– Но скажи – похож? – Голос ее звучал уже разочарованно. Она несколько раз тяжело вздохнула.

Интересно, если бы она могла знать, что последует за этим ее визитом, если бы ей хоть на миг приоткрылось будущее,

стала бы она печь лимонный кекс и дальше интересоваться жизнью русской женщины Тамары, зарабатывающей себе на карманные расходы, записывая видео своих кремов, тортов или кексов, или постаралась бы забыть все это, как страшный сон?

– Алекс не такой высокий, да и форма головы другая... Просто типаж... К тому же этот итальянец, скорее всего, бомж, хоть и ходит в чистой одежде. Обрати внимание на его распущенные спутанные волосы, этот крупный орлиный нос... – произнося эти слова, я готова была разрыдаться.

Хотя на самом деле мне, думаю, в тот момент хотелось еще раз и прямо сейчас прокрутить видео и увидеть его снова и снова.

Непонятно, зачем я вообще, записав Алекса в бомжи, упомянула его нос, словно его «орлиность» являлась непременным признаком всех бездомных. Но больше всего мне тогда хотелось, чтобы Лада как можно скорее ушла.

Мысленно я ее просто вытолкнула за дверь.

Хотя реально она продолжала сидеть на своем месте возле окна и пить кофе маленькими глотками.

– Между прочим, здесь очень вкусная глазурь... Я об этом лимонном кексе, – она наконец вынырнула из своих раздумий и вернулась к нарезанному кусочками кексу. – Помимо сахарной пудры и лимонного сока я добавила туда, угадай, что?

Я думала об Алексее.

Как он мог оказаться в Неаполе? Или же это все-таки не он, и уши у этого итальянца просто похожи на уши Алекса?

Человек так устроен, что иногда видит то, что хочет видеть. Это факт. Вот и я, измученная своими воспоминаниями о любимом человеке, была бы не против увидеть даже его тень, призрак, а тут – целый двойник!

– Ау, ты слышишь меня? Я спрашиваю, ты догадалась, что я добавила в глазурь?

– Цианид? – неудачно пошутила я.

– Ой, ну ты даешь! Ликер «Амаретто»!!! Разве ты не почувствовала аромат миндаля?

3

После ухода Лады я несколько часов провела, разглядывая кадр за кадром видео с Алексом, точнее, с его двойником. И чего только мне не приходило в голову!

Я представляла себе, как приезжаю в Неаполь, нахожу этого человека, влюбляю его в себя и приглашаю поехать с собой в Москву.

Поскольку тело настоящего Алекса не найдено, я обращаюсь к одному моему хорошему знакомому журналисту, которому подкидываю интереснейший материал о воскресшем ученом Александре Максимовиче Валентинове, предварительно придумав этому сенсационное объяснение.

К примеру, напишу, что его продержал на своей даче какой-то его коллега, который заставил его передать ему свои разработки, но ему удалось сбежать, и вот теперь он на свободе. Однако с ним случилась беда, у него повредился мозг, и он потерял память.

Или, если этот вариант не прокатит, придумаю сказку о том, что сбежавший из плена Алекс готов рассказать, где он был, кто его похитил, ранил, сбил машиной...

Подробности надо будет хорошенько обдумать.

Моей целью было заставить настоящих преступников, убивших моего мужа, зашевелиться, как-то проявиться...

Возможно, я придумаю, что на самом деле погиб не сам

Алекс, а его брат-близнец...

Да, согласна, в голову лезли самые дурацкие и абсолютно нереальные истории, в которые не поверила бы даже я сама. Но что-то ведь я должна была сделать, предпринять, хотя бы потому, что мне был подан знак.

Неслучайно Лада наткнулась на эту Тамару с ее рецептами и прогулкой по Неаполю. И там, в этом красивом городке, на самом деле живет (хотя, может, приехал в качестве туриста) человек, удивительным образом похожий на Алекса.

Я в тот день долго не могла уснуть.

Болезненные воспоминания накрыли меня с головой. И я снова стала мерзнуть.

Несмотря на то что ночь выдалась теплая и сад за окном плавал в лунных голубых сумерках, я забралась под свою любимую перину с головой и, задыхаясь без воздуха, пыталась согреться.

Иногда перина, огромная, два на два метра, складывалась таким образом, что принимала форму человеческого тела, лежащего рядом со мной, и тогда я представляла себе, что лежу вместе с Алексом.

Слезы текли по щекам, впитываясь в подушку, – с закрытыми глазами я все равно продолжала «видеть» Алекса.

А утром, выпив чашку кофе, я села в машину и поехала туда, где видела моего мужа в последний раз.

Это примерно в пятидесяти километрах от Москвы (какое направление, не скажу).

Место странное, но очень красивое. Густой хвойный лес, переходящий в некое подобие заросшей густой травой горы, резко обрывающейся глубоким карьером. Место, просто созданное для дельтапланеристов. Такой живописный, но опасный трамплин, откуда можно сорваться и разбиться в пыль...

Вот там мы с Алексом отдыхали, устроив пикник. Пили вино, ели бутерброды, слушали музыку, доносящуюся из машины. Моя голова лежала на его коленях, он травинкой щекотал мне нос... А потом случилось то, то случилось...

Следователю я сказала, что Алекс пошел в сторону обрыва, поднялся на самую высокую часть горы, он любил там бывать, оттуда открывается чудесный вид на ближний лес, и облака кажутся там совсем низко и близко, до них так и хочется дотронуться рукой... и больше я его не видела. И никто не видел.

Я посидела еще какое-то время на пледе, возможно, уснула на несколько минут, потом поднялась и стала звать Алекса. Но он мне не ответил.

Я побежала к краю обрыва, но и там его не обнаружила. И только спустя несколько часов моих блужданий по окрестностям привели меня на шоссе, расположенное по другую сторону ближнего леса, шоссе, до которого дойти пешком было просто невозможно.

Повторяю – невозможно.

Потому что тогда пришлось бы миновать карьер. Или же

обойти несколько километров с той стороны, где мы расположились на пикник, чтобы оказаться на той дороге, где были обнаружены кроссовки Алекса.

Говорю же – следствие велось слишком вяло.

Я расстелила плед на том самом месте, что и семь лет тому назад. Села. Открыла ноутбук, подключила Интернет с телефона и снова включила «неаполитанское» видео.

Алекс с рассеянным видом кормил кошек.

Что это? Почему? Как он там оказался?

Неужели Лада права, и он меня просто бросил? Но зачем? Со мной всегда можно договориться. Так говорил Алекс. И если бы у него были какие-нибудь проблемы и ему понадобилось бы уехать, ему стоило бы просто рассказать мне, и я без вопросов отпустила бы его.

Я доверяла ему полностью. Я растворилась в нем.

Пожалуй, он без труда мог бы убедить меня в чем угодно, настолько я была предана ему и открыта для всего нового. И знала, что он никогда не сможет причинить мне боль.

Однако же – причинил своей смертью. Или исчезновением?

Солнце припекало, плед нагрелся, а мне все равно было холодно.

Я сидела на опушке леса в теплом свитере и до боли в глазах смотрела в бледный, призрачно-негативный на солнце экран монитора, на котором мужчина, удивительным образом напоминающий моего мужа, кормил кошек...

Вернувшись домой вечером, уставшая, с опухшим от слез лицом, я сразу же заметила возле ворот автомобиль Гольдмана. Приехал. Вот чего ему здесь надо?

– У меня для тебя есть информация, – сказал мне Миша, едва я вышла из машины, чтобы открыть ворота.

Миша, высокий брюнет с красивым, но каким-то скучным лицом, с которого невозможно стереть выражение брезгливости.

Он был во всем белом, хотя и не медицинском.

Мне показалось, или от него действительно пахло больницей?

Скорее всего, от нас, от медиков, всегда пахнет больницей, лекарствами или чем-то горьким и сухим, и этот запах уже въелся в кожу.

– Какая еще информация, – отмахнулась я от него, и тотчас молнией сверкнула мысль: а что, если и его жена тоже обнаружила на ютубе рецепт того самого лимонного кекса и узнала в следующем видео «русской итальянки» Алекса!

Я медленно повернулась и посмотрела на Мишу.

Да уж, по степени эмоциональности он явно отставал от интригующе-загораживающего вида Лады, принесшей мне вчерашним утром в клюве благую весть.

– Ты о чем вообще?

– Я развелся, так что теперь мы сможем пожениться.

Я вернулась в машину, заехала во двор, сделала Мише

знак, чтобы входил. Поднялась на крыльцо, открыла дверь.

– Тебе в свитере не жарко?

– Нет, мне холодно. Проходи, – я впустила его в дом. –

Поговорим.

Нет, конечно, он не мог видеть этого видео. А чтобы он случайно не увидел его уже в моем доме, сунув нос, куда не следует, я отнесла ноутбук, с которым ездила в лес, в спальню и сунула его в шкаф.

Мало ли.

– Есть будешь?

Миша очень любил поесть, и я, зная эту его слабость, всегда, когда он приходил ко мне, угощала его, чем могла.

– Буду. Ты чего молчишь? Говорю же – я развелся, теперь мне ничего не мешает жениться на тебе. Как я и обещал. Ты же помнишь, я пришел к тебе сразу после похорон Алекса и сделал предложение. Я же понимал, как тебе трудно.

Он не всегда вспоминал, что в ответственные моменты разговора со мной надо хотя бы пару слов сказать о любви. Для порядка.

– Я люблю тебя, Зоя. Выходи за меня.

И тут Миша, семь лет копивший силы для развода и наконец освободившийся от жены, протянул мне раскрытую раковинной волнистую бархатную коробочку с кольцом внутри.

– У меня только салат и клубника, – сказала я, сделав вид, что не заметила кольца.

Он спрятал коробочку в карман белых льняных штанов,

прошел за мной на кухню, занял место Лады возле окна, принялся вертеть пальцами солонку, понемногу рассыпая соль.

– Миша, мы с тобой никогда не разговаривали об этом. Я – потому что просто не было сил, ты – потому что тебе было все равно, что случилось с Алексом...

– Зойка, ты несешь самую настоящую чушь! Алекс был хорошим мужиком.

– Вот ты скажи мне, как он мог оказаться на том шоссе? Там вообще ничего нет, глухое место, просто лес, и все. Это почти пара километров от того места, где мы с ним пили вино, расстелив плед... И почему он пошел туда пешком, если предположить, что у него там с кем-то была встреча, а не поехал на машине?

– Да какая еще встреча?! Зоя, что с тобой? Ты серьезно считаешь, что он мог назначить кому-то встречу в глухом лесу на шоссе?

– Но тогда получается, что это не он... И что кроссовки не его.

– Зоя!

– Да... у него были точно такие же кроссовки. Белоснежные. Потом в крови... И кровь, как показала экспертиза, его. Они брали ДНК с волос на его расческе. Миша, ты хотел мне что-то сказать.

– Так я уже сказал вообще-то. Ты выйдешь за меня?

Я не понимала, зачем ему был нужен этот брак. Как не понимала и то, как можно вот так: в течение нескольких лет

ухаживать за женщиной, которая тебя не любит, не хочет и всячески противится каким-либо отношениям.

– Миша, зачем тебе я? Почему именно я? И что тебе мешало тогда, когда я еще не встретила Алекса, развестись со своей женой и жениться на мне? Это гипотетически, как ты понимаешь.

– Я не тороплю тебя. Подумай. Да, я понимаю, ты за эти годы стала самостоятельной, научилась, так сказать, жить одна. Ты не голодаешь, кроме того, у тебя есть занятие, которое доставляет тебе удовольствие. Знаю, что ты иногда встречаешься с другими мужчинами... Все это так, но, по моему твердому убеждению, каждая женщина в душе мечтает о замужестве, о хорошем и надежном муже, о детях, наконец.

– Как ты сказал, «о надежном муже»? Точно подмечено. Наверное, ты и себя причислил к подобным мужчинам, да? Ты, женатый человек, который за спиной своей жены навещаешь меня здесь с вполне определенной целью, добиваешься меня, звонишь мне каждое утро, выпив приготовленный твоей женой кофе... Миша!

Он снова достал бархатную коробочку, извлек кольцо с небольшим брильянтом и протянул мне.

– Возьми, надень... И подумай хорошенько. В случае если ты согласишься, мы поженимся, и ты переедешь ко мне. Пока в мою квартиру, нет-нет, не в ту, где я проживаю с семьей, другую... А потом, если ты захочешь, мы переедем в дом, чтобы ты могла и там выращивать свои розы. Зоя, не торо-

пись мне отказывать, это ты всегда успеешь сделать. Подумай. Если хочешь, посоветуйся с кем-нибудь, и ты увидишь – все, кто тебя знает и любит, посоветуют тебе этот брак. У меня своя клиника, я не беден, но главное, я люблю тебя.

Я не верила ему.

Нет, конечно, он не обманывал меня в том, что касалось его финансовой состоятельности и квартиры, которую он купил втайне от своей жены. Но он не любил меня.

Возможно, он испытывал ко мне чувство, названия которого еще просто нет, его не придумали.

Может быть, его сердце начинало биться в груди, когда он видел меня, и чувство необъяснимой радости охватывало его при мысли обо мне и о том, как бы мы жили вместе. Но что-то все-таки во всем этом, в его желании жениться на мне, было странным и неестественным.

Хотя, скорее всего, все дело было во мне, в моих сомнениях и каком-то искаженном восприятии реальности. И я не верила, что такой человек, как Гольдман, который зажимал в углах медсестер и снимал квартиры для своих любовниц в двух шагах от клиники, чтобы удобно было с ними встречаться, способен на такое сильное чувство, как любовь, к одной-единственной женщине, ради которой он даже развелся с женой и, по сути, бросил свою семью.

Я поставила перед ним салатницу, дала вилку и хлеб. И вдруг представила себе, что мы с ним уже женаты, живем вместе и я кормлю его.

Вот он сидит напротив меня, жует, а мне почему-то хочется его ударить...

Что это, как неосознанное желание наказать его за что-то страшное, подлое, то, что превратило мою жизнь в ад.

– Миша, а где ты был тогда, в тот день, когда Алекса не стало?

Другой мужчина встал бы, отшвырнув от себя тарелку, наговорил бы грубостей, обозвал бы меня, мол, что ты такое несешь, да как ты можешь подумать, будто бы я имею отношение к смерти твоего мужа, ты психопатка, тебе надо лечиться и все в таком духе. Но только не Гольдман.

– А я думал, что ты уже излечилась от своего Алекса. Зоя, его больше нет, понимаешь? Он погиб. И те головоломки, которые ты сама себе создаешь, задавая дурацкие вопросы, мол, как он мог оказаться на том шоссе, могут лишь навредить тебе. Ты молодая, красивая и относительно здоровая женщина, ты должна жить, понимаешь?

– Молодая? Мне тридцать семь лет, Миша.

– О чем и речь! Ты должна рожать. Давно уже пора. И вот когда родишь, поймешь, что я был прав, – у тебя начнется совершенно другая жизнь!

– Ну, хорошо, я рожу, и у меня действительно появится новый смысл в жизни. А тебе-то это зачем, Миша? Мог бы найти кого помоложе и повеселее!

Воображение продолжало разыгрывать меня, и вот уже передо мной, подчиняясь моей отчаянной фантазии, сидел

не скучный и непонятный Гольдман, жующий салат, а тот красивый неаполитанец – он улыбался мне, а на плече его сидела черная кошка – и она тоже улыбалась. И надо сказать, что эта компания показалась мне куда симпатичнее.

– Хорошо, Миша, ты прав, чтобы принять такое решение, надо хорошенько подумать. Но я услышала тебя.

И мысленно добавила:

«Поняла, что ты развелся, и теперь готов вскарабкаться в следующую семейную лодку. Тогда и ты тоже подумай, куда мы сможем потратить те сэкономленные на подарках твоим любовницам деньги, может быть, поедем путешествовать по замкам Франции или отправимся на Бали? Хотя, может, ты не собираешься изменять своим привычкам и, женившись на мне, продолжишь свою активную половую жизнь в радиусе километра от клиники?»

– Зоя, у тебя никогда не возникало вопроса, почему Валентинов женился на тебе?

– В смысле? – вспыхнула я, предположив, что Миша имеет в виду огромную пропасть между ученым-физиком и хирургической медсестрой. – Что ты хочешь сказать?

– Ты очень красива, Зоя. Вот почему он выбрал тебя.

– В твоей клинике полно красивых медсестер и женщин-врачей.

– В тебе есть что-то такое... Не знаю, как сказать...

...

Я закрыла глаза и перенеслась в лес, в тот волшебный лес, в котором нам с Алексом всегда было так хорошо.

Воображение заработало с такой силой, что я почувствовала даже прикосновение руки Алекса и аромат хвои. Вот мы стоим, прижавшись друг к другу, и я ощущаю, как мы словно превращаемся в одно целое.

– Тебе никто не говорил, что ты очень красива, – слышу я голос Алекса, и на мои глаза наворачиваются слезы. – В тебе есть что-то такое... волшебное...

– Эти таблетки не опасны? – теперь уже я слышу свой голос и чувствую на языке сладость маленькой красной таблетки, с помощью которой буквально через пару минут мы отправимся в рай...

...

– Миша, думаю, тебе лучше уйти. И кольцо свое забери. И вообще – уходи и больше никогда не приходи. Я обо всем подумала. Я никогда не стану твоей женой. Подозреваю, что это ты убил Алекса. Вот так. Вот теперь я тебе все сказала.

– Я даю тебе месяц, – сказал он таким примирительным, спокойным тоном, словно и не слышал меня. – Подумай хорошенько.

– Ты даже не возмутился... Тебе что, все равно, что я подозреваю тебя в убийстве?

– В тебе говорит твоя тоска. А еще ты хочешь узнать, действительно ли Алекса убили.

– В смысле?

– А что, если он попросту сбежал от тебя? Ты вообще о нем хоть что-нибудь знаешь? Он рассказывал тебе, как прожил жизнь до тебя? Был ли женат? Есть ли у него дети?

– Да, он был женат, но его жена разбилась где-то в горах, кажется... Детей нет. Гольдман, что ты хочешь сказать? Что Алекс сбежал от меня?

– Почему бы и нет?

– Но я не стала бы его удерживать, если бы он захотел сам уйти. Какой смысл было ему устраивать это представление?

Но ответа на этот вопрос у него явно не было. Просто ему напоследок захотелось причинить мне боль.

– Не приходи ко мне больше, слышишь? Никогда.

– Месяц! – Он встал из-за стола, подошел ко мне и по-свойски поцеловал в щеку. – Спасибо за салат. Было очень вкусно. А кольцо надень, иначе мне придется выбросить его за забор...

4

После ухода Гольдмана я позвонила Алику Банку, договорилась с ним о встрече.

Приехала к нему, когда уже стемнело.

Москва вечерняя, летняя, подсвеченная электричеством и закатной оранжевостью, была так красива, что я спросила себя, почему я так редко совершаю прогулки, почему так редко вообще бываю здесь.

Сижу в своей деревне, словно меня кто арестовал. И сколько еще должно пройти времени, чтобы я начала находить вокруг себя все то прекрасное, что замечала, когда еще был жив Алекс.

Алик жил один в большой холостяцкой квартире. Его дом был удачно расположен в одном из тихих переулков, выходящих прямо на Тверскую.

Имя Алик ему очень подходило.

Он был невысоким, хрупким, похожим на повзрослевшего мальчика. Так выглядят вундеркинды. Большие карие глаза, шапка кудрей, и, если бы не синь гладко выбритых щек, он действительно в свой полтинник выглядел бы подростком.

После смерти Алекса мы виделись редко.

Нам словно было больно видеть друг друга, и эти встречи наверняка лишь усилили бы боль потери. Но время от

времени Алик сам звонил мне, спрашивал, как я, не надо ли мне чего, приглашал поужинать с ним в Москву, и, когда мы встречались, наши ужины напоминали тихие поминки по близкому человеку.

На этот раз мы договорились встретиться у него дома.

Алик сообщил по телефону, что прямо сейчас будет заваривать чай, я же, выехав из дома, по дороге купила пирожные (любимые Аликом эклеры).

Да, мы редко с ним виделись, но я почему-то всегда знала, что если мне нужно будет получить дельный совет или просто понадобится поддержка, то я всегда смогу к нему обратиться. Ведь Алик был самым близким другом моего мужа и знал его много лет, а это означало, что и мысли его могли быть созвучны мыслям Алекса.

Конечно, это было заблуждением, но как приятно иногда заблудиться в собственных мыслях и предположениях, если это могло принести облегчение.

Паркет в большой комнате, той самой, где они годами встречались, чтобы поиграть в преферанс, а заодно и поспорить, подискутировать на свои интеллектуальные темы, был выщерблен.

Конечно, таким людям, настоящим ученым, одержимым своими идеями, не до паркета. И не до занавесок, которые за долгие годы из белых превращаются почти в коричневые.

У Алика никогда не было жены, те же девушки, которые время от времени ночевали у него, не брали на себя труд хоть

как-то помочь ему по хозяйству.

Алекс рассказывал даже, как собственными глазами видел, как одна поэтесса, находясь у него в гостях и сидя на подлокотнике его кресла, стряхивала пепел своей сигареты прямо на пол, туда же выливала и остатки заварки из стакана...

– Хочешь, я помогу тебе с ремонтом, мебелью, занавесками? – спросила я, выкладывая покрытые густой шоколадной глазурью эклеры из пластиковой коробки на блюдо.

Стол был уже накрыт, Алику оставалось только разложить салфетки.

Он был рад моему приходу, глаза его блестели, он улыбался.

Старинный пыльный абажур над нашими головами придавал всему, что стояло на столе, теплый розовый оттенок. У меня просто руки чесались снять уже этот абажур и выбросить, заменить его на более современный и стильный светильник.

– Ты не представляешь себе, как я рад твоему звонку и приходу! – Алик смотрел на меня восторженным, радостным взглядом. – Надеюсь, ты пришла просто так, у тебя ничего не случилось?

– Гольдман сделал предложение, хотел подарить мне кольцо, но я отказалась.

– Снова?

– Но теперь он разведен. Алик, как ты думаешь, зачем я

ему?

– А ты уже и не веришь в любовь?

– Но Миша не способен на это чувство. У него вообще нет чувств. Разве что ощущения самца... Уж извини. Никак не могу от него избавиться. Ты знаешь, все эти годы он постоянно звонит мне, приезжает, привозит деньги, продукты, лекарства...

– Думаешь, вину свою заглаживает? Ты по-прежнему подзреваешь его в убийстве Алекса?

– Да я уже и не знаю... Просто он ведет себя неестественно. Он никогда не был ни моим другом, ни другом Алекса...

– А я предполагал, что между вами что-то было... ну, до Алекса...

– Никогда и ничего. Это тебе Алекс сказал?

– Что ты, он о тебе вообще никогда и ничего не рассказывал, – с грустью произнес Алик.

Встреча грозила перейти в поминки. По щекам моим потекли слезы. Это происходило всегда, когда я словно видела Алекса перед собой.

Образы, рождающиеся в моем сознании, были подчас такими явственными, яркими, что казались реальными!

– Он дал мне на раздумье месяц, это я про Гольдмана. Ты можешь мне пообещать, что если он от меня не отстанет, то ты сам с ним поговоришь, а?

– Поговорю. Хотя, с такими грубыми мужиками трудно оставаться вежливым, ты разрешаешь мне материться?

– Разрешаю. Алик, скажи, кто мне присылает деньги?

– Ты уже спрашивала меня об этом. Не знаю, но предполагаю, что это те люди, которые делают миллионы на разработках Алекса. И это явно не в России. Думаю, эти аппараты производят в Германии.

– Алекс не доверял даже тебе?

– Почему, доверял. Вот я и говорю тебе – наверняка деньги поступают из Германии, где проживает один человек, с которым твой муж незадолго до своей смерти много раз встречался. Один довольно известный профессор, тоже физик... Очень симпатичный мужик, у него жена умерла от рака, поэтому он решил всю оставшуюся жизнь положить на то, чтобы помогать остальным больным. Так что можешь быть спокойна. Все нормально. Копи деньги, вкладывай в недвижимость, чтобы обеспечить себя на старости лет.

– Не знаю, надо ли говорить, что эти деньги не приносят мне радости. Да мне вообще ничего не приносит радости. И я не знаю, как мне жить дальше. Из меня словно душу вынули.

– Понимаю... Мне тоже не хватает Алекса.

Раньше при разговорах он всегда искренне возмущался тем, как отвратительно велось следствие, что не было опрошено ни одного свидетеля, да что там – Алекса вообще не искали!

Сделали вывод, что он мертв, лишь основываясь на наличие кроссовок со следами его крови. Трассологическая экс-

пертиза показала, что он действительно мог быть сбит машиной, едущей на огромной скорости. И что тело было просто выбито из обуви. Но ни тела не нашли, ни машины со следами удара на капоте. Ничего.

Но это раньше Алик был таким эмоциональным и готов был выложить круглую сумму частному детективу, чтобы все-таки найти если не убийцу-водителя, то хотя бы тело друга.

Сейчас же он как-то попритих, понял, видимо, что бесполезно бороться в одиночку с ветряными мельницами.

– Как тебе эклеры?

– Очень вкусные, – Алик отправил в рот набитый кремом кусочек пирожного. – Спасибо! Мне вечно некогда зайти и купить продукты. Не говоря уже о таких вкусностях... Если откроешь мой холодильник, увидишь там мышь...

– ...Она повесилась, я угадала?

Алик рассмеялся.

– Скажи, Алик, Алекс мог меня бросить? Вот просто взять и сбежать от меня, пока я спала?

– Исключено, – он ответил сразу, быстро, даже не дав мне договорить, словно заранее знал, о чем я его спрошу. – Алекс так любил тебя! С какой стати ему тебя бросать? Да полный бред! А почему ты спрашиваешь?

– Да потому что тела не нашли... И Гольдман сегодня говорил про это.

– Ты гони его, если он снова придет. Вот просто смело

гони, и все.

– Странно все это... Зачем Мише этот брак? Зачем я ему вообще?

– Знаешь, если исключить такое понятие, как любовь, то им движет чувство собственника. Он хочет, чтобы ты принадлежала только ему. Как вещь. Думаю, он хочет сам себе доказать, что не хуже Алекса. Вполне допускаю, что причиной этого его нездорового увлечения и желания обладать тобой является тот факт, что Алекс появился в твоей жизни как раз в тот момент, когда Михаил считал тебя почти своей. Он же оказывал тебе знаки внимания и все такое?

– Скажи, Алик, вот что бы ты сделал, если бы увидел Алекса... Вот шел бы по улице и увидел его. Может, ты и сомневался бы, что это он, потому что время прошло и он мог измениться... Ты бы окликнул его? Подошел бы к нему?

Алик смотрел на меня с открытым ртом. Молча и долго.

Должно быть, пытался понять, все ли у меня в порядке с мозгами.

– Ты что, Алекса видела? – наконец выдохнул он.

– Да, недавно, в торговом центре... Представляешь, сижу в кафе, ем мороженое, и вдруг рядом со мной за столик усаживается мой Алекс, – сочиняла я на ходу, следя за реакцией Алика. – Волосы седые, волнистые... Один, сидит, пьет кофе и даже не замечает меня. Я подумала тогда, что это он, просто потерялся на эти семь лет. Как ты думаешь, такое возможно?

– Все возможно, конечно, – вдруг с какой-то невыразимой грустью в голосе произнес он. – Но к сожалению, это не наш случай... Я знаю Алекса, если бы он был жив, то где бы ни находился, непременно дал бы о себе знать. Даже если бы у него вынули половину мозгов, все равно – оставшаяся вспомнила бы меня, тебя, всех нас...

Я смотрела на него, на его перепачканные шоколадом губы, на его полные тоски глаза, слушала его голос и понимала, что Алик, пожалуй, самый близкий мне человек, доставшийся мне по наследству от Алекса.

Разве могла я тогда представить себе, что спустя время буду держать его разбитую, окровавленную голову на своих коленях, целовать его мертвые глаза, рыдать и молить Бога о том, чтобы это был сон...

Я решила не рассказывать ему о двойнике Алекса из Неаполя и о своих планах. Да и как сказать ему, мужчине, к тому же другу моего мужа, о том, что я собираюсь встретиться с этим итальянцем в голубых джинсах, чтобы сыграть с ним в странную, сладкую и ядовитую игру – в любовь.

Да-да, с совершенно посторонним человеком, который как две капли воды похож на моего погибшего мужа. Чтобы еще раз испытать хотя бы на миг то счастье, которого я лишилась.

Я прикажу ему закрыть рот и ничего не говорить.

Пусть он меня просто поцелует...

Конечно, я осознавала, что схожу с ума. Но что поделать?

Жизнь моя становилась мне в тягость. Присутствие в ней навязчивого Гольдмана вызывало тоску. Отсутствие Алекса убивало во мне все живое. Соседство глуповатой Лады делало мою жизнь и вовсе похожей на гротеск.

Не было ничего такого, за что я могла бы уцепиться, чтобы не пропасть, чтобы просто выжить.

Благоухающие в моем саду розы – и те не могли меня спасти. Даже «императрица Фарах» с ее окровавленными лепестками...

5

Всю следующую неделю я занималась визой (заплатила человеку, который помог мне оформить трехмесячный Шенген) и поисками тура в Италию. И ни слова не обмолвилась об этом Ладе.

У меня началась настоящая любовная горячка – видео с Алексом крутилось круглосуточно, я разглядывала каждый сантиметр дорогого мне лица, гладила рукой монитор, разве что не целовала мужчину, который встряхнул мою жизнь до самого основания, придал ей смысл...

Я носилась по Москве, покупая какие-то роскошные кружевные туники, воздушные сарафаны, прозрачные юбки, розовую помаду, белые балетки, сумки, шляпы, солнцезащитные очки-бабочки, муслиновые шарфы, духи...

Я готовилась к свиданию, представляла себе, как я лечу в самолете, как выхожу в аэропорту Каподичино, беру такси и, глядя в окно на мелькающие за окном розовые и белые особняки Неаполя, двигаюсь в сторону центра, где нахожу свой отель, вхожу в номер, раздеваюсь и принимаю душ...

Я не понимала, почему я до сих пор вместо того, чтобы путешествовать и пытаться находить что-то приятное и завораживающее, заперла себя в доме...

Конечно, эти мысли пахивали предательством, ведь я летела не просто для смены обстановки, я летела встретиться

с Алексом.

Чувствовала ли я, что сошла с ума?

Немного.

Но не могу сказать, что меня это как-то особо тревожило.

Это была моя жизнь, мое решение, и это я села одним прекрасным утром в самолет и отправилась в другое измерение, туда, куда переместился Алекс.

Мы и раньше бывали с ним в других измерениях, и это он научил меня перемещаться, давая мне волшебные таблетки.

Возможно, и в тот день, когда его не стало, я крепко уснула после того, как проглотила одну из них... И кто знает, сколько на самом деле прошло времени с тех пор, как мы с ним расстались и я уснула.

Может, прошло несколько часов, и за это время он спокойно успел бы пройти длинным путем, обогнув лес, чтобы выйти на то пустынное шоссе...

Однако следователю я сказала, что ничего такого не помню.

Они, все те, кто делал вид, что разыскивают моего мужа, все равно не поверили бы, что Алекс... Нет-нет, об этом лучше не вспоминать и уж точно никому не рассказывать.

Настроение мое менялось так быстро, что я едва успевала осознавать, что же я чувствую и чего хочу. Иногда моя фантазия (когда я еще летела в самолете, тихонько попивая коньяк) переносила меня на набережную Неаполя, и я, не зная языка, бродила, вглядываясь в лица прохожих, пытаюсь

найти того, ради кого и отправилась в это путешествие.

В реальности же подо мной проплывали белые, подсвеченные солнцем облака, и мне почему-то хотелось плакать.

Я делала глоток, закрывала глаза и снова стояла на набережной, всматривалась до боли в глазах в пеструю толпу прогуливающихся туристов, искала глазами кошек и ни одной, ну совсем ни одной, не находила.

Должно быть, думала я, они все сытые, накормленные моим бедным обезумевшем мужем, попрятались в тенечке между камнями и спят.

Следующий срежиссированный мною же фильм, кадры которого мелькали в моей коньячной голове, был о том, как я, уже разыскав мужчину в голубых джинсах и убедившись, что это именно он случайно попал в кадр кулинарного ролика, пытаюсь объяснить ему, что мне от него нужно.

Английский я не знаю, итальянский – подавно. Как мы будем общаться?

Я покажу ему альбом с фотографиями, который положила в чемодан, пусть он увидит Алекса, может, поймет, что он на него похож.

Потом я, скорее всего, заплачу и попрошу его себя обнять...

...Лицо мое было мокрое от слез, когда мы приземлились в аэропорту Каподичино. И с этого момента я уже не могла отличить мои сны и фантазии от реальности.

Мне казалось, что я здесь уже была, хотя какой-то частью уцелевших мозгов понимала, что, скорее всего, со мной сыграли шутку все те многочисленные фотографии и видео Неаполя, которыми я напилась, готовясь к поездке.

Я должна была в аэропорту встретиться с гидом, который отвез бы меня в небольшой отель на улице Партенопе.

Судя по фотографиям, там все было скромно и тихо, и чем подкупил меня этот отельчик, так это чудесной террасой, примыкающей к каждому номеру, – она вся была увита розами.

Голубое небо, кусок неаполитанского залива в обрамлении розовых ветвей, плетеные стулья, белая скатерть, бутылка вина...

Вот такая картинка нарисовалась в моей голове, когда я в зеленом развевающемся сарафане и широкополой шляпе, пройдя паспортный контроль и получив багаж (большой серебристый чемодан, набитый одеждой и косметикой), вышла к толпе встречающих, желая как можно скорее увидеть табличку со своей фамилией. И когда я ее увидела, бросилась к человеку, уверенная в том, что это и есть гид.

«ZOYA VALENTINOVA» – было, словно наспех, написано жирным синим фломастером на картонке, которую держал высокий худой мужчина лет пятидесяти в голубой рубашке и белых шортах.

Он был загорелый, с коротко стриженными седыми волосами и скорее напоминал американского или английского

туриста-пенсионера, чем итальянского гида, который в моем представлении должен быть как минимум моложе, ну и, конечно, знойный брюнет с нахальным взглядом черных глаз.

– Зоя, ну, наконец-то! – бросился ко мне «американец», сгреб меня в охапку и принялся целовать в щеки.

Надо сказать, что от него пахло очень хорошо, каким-то незнакомым мне парфюмом с ароматом ветивера.

– Алло, – я попыталась вырваться из его объятий. – Вы спятили, что ли?

– Зоя, спокойно... Старайся не привлекать к себе внимания... Ты же сама сказала – мир. Кто не ссорится?

Он буквально оттащил меня куда-то в угол зала, крепко схватил за руку и зашептал мне в ухо:

– Ты не представляешь себе, в каком отеле мы остановились... Просто сказка! Вот увидишь, тебе понравится! Зоя, дорогая, все забудется... Запомни, все плохое – в прошлом!

– Мы? – Я почему-то ухватилась именно за это слово, хотя можно было ухватиться за всю нелепую ситуацию в целом. – И кто это «мы»?

– Ты и я! – просиял он и рассмеялся, показывая ровные белые зубы. – Ты чего это? А?

– Вы кто такой? Вероятно, этим рейсом должна прилететь другая Зоя Валентинова, понимаете? Или вы меня разыгрываете, или не помните, как выглядит *ваша* Зоя. И вообще, кто она вам?

– Зоя, да что с тобой? Вообще-то ты – моя жена.

– Отлично, – я почувствовала, как закружилась моя голова. – Вот только вас-то мне сейчас и не хватало. Прямо в точку!!!

Я чувствовала, что еще немного, и я лишусь чувств, и что со мной тогда будет, неизвестно.

– Ладно, пошли на свежий воздух, там разберемся... – Он решительно взял меня под локоть и потащил к выходу.

Мы вышли из аэропорта, «американец» подвел меня к большой открытой белой машине, и меня вообще затрясло.

Я уже и не знала, снится мне весь этот бред или нет.

Вокруг ходили вполне себе реальные люди, туристы, суетливо рассаживались по микроавтобусам, такси, автомобилям, слышна была русская речь, итальянская, английская и еще непонятно какая...

Все были одеты в разноцветные легкие платья и шорты с майками, практически на всех – солнцезащитные очки, и главное, все радовались жизни, сияли улыбками, смеялись. И только я чувствовала себя самой несчастной из всех.

Как же мне тогда не хотелось признаваться себе в том, что у меня поехала крыша. Вот просто капитально поехала.

Я не знала, что мне делать.

Хороший отель, сказка? Что ж, поехали!

Я села в машину, «американец» – за руль, и мы покатали уже в следующее измерение.

6

Отель назывался «Гранд-Везувий» и на самом деле был первоклассным, роскошным отелем, расположенным на первой береговой линии Неаполитанского залива.

Уже в холле я поняла, что это никакой не сон, что я на самом деле стою на мягком ковре и вижу прямо перед собой установленные на мраморных подставках массивные лепные вазы с пальмами, а прямо передо мной в самом центре просторного холла композиция из кремовых лилий.

«Американец» подкатил мой чемодан к ресепшену, и тотчас откуда-то взялся человек, который перехватил его и повез куда-то к лестнице или лифту.

Мой так называемый муж сказал что-то человеку за стойкой по-английски, после чего повернулся ко мне и сделал знак следовать за ним.

Мы поднялись на второй этаж, я, совершенно растерянная, шагала следом.

Думаю, что мною тогда двигало любопытство – очень уж хотелось знать, кого он на самом деле ждал и кто такая *другая* «Зоя Валентинова», которой ему было поручено морочить голову.

Если бы этот незнакомец повел меня в какие-нибудь трущобы, то я само собой, не согласилась бы, это точно.

Но «Гранд-Везувий» стоил того, чтобы в него можно бы-

ло хотя бы заглянуть, уже не говоря о том, чтобы провести несколько часов, пусть даже в непонятно каком качестве.

Я шагала по коридору, устланному красным узорчатым ковром, мы миновали небольшой холл с прозрачной стеной, за которой открывался вид на сверкающий на солнце залив и призрачно-лиловый Везувий, потом мы остановились перед дверью. «Американец» достал ключ и открыл, впуская меня в номер.

Я словно шагнула в рекламную картинку туристического журнала!

Чудесный, выполненный в золотистых тонах номер. Обои в бежевую и золотую полоску, золотистые, обитые бархатом, кресла, золотой столик на гнутых ножках, золотистые в тонкую полоску тяжелые шторы, подхваченные золотыми шнурами, а между ними выход на террасу – и потрясающий вид на залив!

– Красиво, – проронила я и, не дожидаясь приглашения, села в кресло.

– Да, мне тоже здесь нравится! – Мужчина, улыбаясь, сел напротив меня.

Его лицо было таким фальшивым, каким-то ненатуральным, а уж что говорить о его драконьей улыбке!

– Так, может, объясните мне, что происходит? Вы кого встречали-то?

– Зоя, да что с тобой... – Боже, каким же отвратительным актером он был!

– Положим, меня зовут Зоя, но я вижу вас в первый раз.

– Знаешь, если бы мне сказали, что у тебя после нашей ссоры будут такие проблемы... Ты что, действительно не помнишь меня?

– С чего бы это мне помнить вас? – рассердилась я. – И о каких проблемах вы говорите? Вы перепутали меня с другой женщиной, внешность которой вам изначально была неизвестна! И меня просто распирает любопытство, кто же она такая?

– Зоя, дорогая... – Он подался вперед, чтобы дотянуться до моей руки, взял ее в свою руку, поднес к губам, поцеловал. – Ты упала? Ударилась тогда?

– Почему упала? Что за бред? И когда именно я могла бы упасть?

– Ну тогда, когда мы с тобой... Там было довольно высоко...

– Ладно, с меня хватит. Я, пожалуй, пойду. Ошибкой было подниматься в номер. Я вас не знаю, вы меня – тоже. Мне даже извинения ваши не нужны, обойдусь как-нибудь и без них. Зато отель увидела...

Я поднялась, хотела быстро найти в номере свой чемодан и сбежать уже от этого ненормального.

Хотя вот как можно было назвать его ненормальным, если он выглядел очень даже ничего, да и в номере поселился дорогим, просто роскошном.

В какой-то момент я даже захотела ему помочь, но потом

эта мысль испарилась, уступив место тревоге.

– Зоя, да посмотри же ты на меня наконец! Я же твой муж, Алекс!

Думаю, мой рот открылся сам по себе. Что-то стало с моим дыханием.

Алекс... Какое кощунство! Так играть на моих чувствах!

Алекс... Смешно, ей-богу.

– Уж не знаю, кто вас послал за мной, тем более что никто не знал, что я собираюсь лететь в Неаполь... Но те, кто спланировал эту комедию, должны были знать, что мой муж, Алекс, погиб семь лет тому назад...

– Бедная ты моя... – Он поднялся, схватил меня за руку и, вернувшись в кресло, насильно усадил меня к себе на колени. – Успокойся. Все нормально. И я жив, вот видишь? Жив и здоров. Еще неделю тому назад мы были вместе, в Москве, помнишь, ты еще приготовила нам гуся с яблоками? Алик приходил, Ванечка Равенков, Сема... ну? Помнишь? Потом у тебя разболелась голова, и нам бы уйти, но Алик предложил поиграть в карты, ты сначала возражала, а потом тебе стало как будто бы все равно... Я проводил тебя в спальню, было уже два часа ночи, и вдруг тебя вырвало... прямо на подушку... Ну? Зоя! Да вспомни же ты наконец!

У меня в горле скопились рыдания.

Я слушала этого человека в белых шортах и отмечала про себя, что у него слишком уж длинные ноги, да и загар какой-то сильный, словно он целый год пекся на солнце. А гла-

за голубые, хотя у моего Алекса они были карие. И еще этот акцент.

Что ему было нужно от меня? Зачем он придумал все это? Преферанс... Смешно!

Они никогда у нас не играли в карты, они делали это только в квартире Алика.

– И что было потом?

– Потом ты умылась, я застирал наволочку, и ты устроила нам настоящую истерику и... выгнала нас! Мы ушли, я поехал к Алику, а через пару дней улетел сначала в Рим, у меня там была конференция, ты, кстати, была в курсе, ну а после – сюда, в Неаполь. Я позвонил тебе, сказал, что на твое имя оплачен тур...

Идиот.

Я сама лично оформляла визу, еще и взятку дала, то есть приплатила одному ушлому человечку, который оформил мне трехмесячную визу.

– Если вам нужны деньги, – вдруг догадалась я, – то просто назовите сумму. Полагаю, речь идет о тех деньгах, которые мне отправлялись все эти годы, да? Быть может, вы тогда удовлетворите мое любопытство и расскажете, кто и за что мне их присылал? Это немцы? Я хотела сказать, это из Германии присылали? Или это были вы?

– Зоя, я не понимаю, о каких деньгах идет речь...

– Тогда, может, вы хотите просто узнать у меня, не осталось ли после Алекса каких-то документов, разработок? Ну,

типа детектив такой. Погибает талантливый ученый, и вокруг него начинается такая возня, все ищут какие-то формулы, флешки или записи...

– Значит, так. Сейчас мы с тобой пообедаем, а потом поговорим, хорошо?

Я слезла с его колен, таких твердых и костлявых, а главное, чужих, с чувством глубокого отвращения.

Да кто он такой, черт возьми!

– Значит, так, – произнесла я дрожащим голосом, стараясь взглядом определить, где может находиться мой чемодан. В комнате его не было. – Ни обедать, ни ужинать я с вами не стану. Больше того, вот выйду сейчас из номера и первое, что сделаю, это обращусь в полицию и скажу, что меня похитили, что обманули...

– Зоя... Что с тобой? Хорошо, иди... Но помни, я здесь и буду ждать тебя ровно столько, сколько понадобится, чтобы ты наконец вспомнила меня и вернулась.

К счастью, он не бросился меня догонять, более того, принес откуда-то мой чемодан, но вот помогать мне спуститься с ним вниз не стал.

Я не помнила, когда еще я так быстро неслась, таща за собой тяжелый чемодан, так, словно за мной кто-то бежал.

Обливаясь потом, я выбежала из отеля, чувствуя на себе удивленные взгляды парнишки на ресепшене, оказалась на солнечной улице и остановилась возле цветника. Опустилась на скамейку, чтобы перевести дух. Подняла голову, чтобы

еще раз осмотреть отель, ставший за полчаса страшноватым и совсем чужим, даже опасным.

У меня имелся номер моего итальянского гида, которого я проворонила в аэропорту и который должен был доставить меня в мой скромный отель. И уж не знаю, что со мной случилось и как это я вообще сообразила вовремя ему не звонить, но вместо того чтобы отправиться в отель, я отправилась со своим чемоданом куда глаза глядят.

Подумала, что раз уж меня здесь кто-то поджидал, значит, этим господам (непонятно только, из какой области моей жизни) известно, где у меня зарезервирован номер, в каком отеле.

Мне меньше всего хотелось встретиться снова с каким-нибудь бездарным чудиком, пытающимся убедить меня в том, что я его жена, не хотелось сидеть на чужих коленях и слушать весь этот бред...

Да, мне стало страшно. Поэтому я устремилась по улице подальше от набережной, пытаюсь найти на домах или воротах вывески о сдаче комнат или квартир.

И вот примерно через полчаса я уже стояла перед двухэтажным домиком кремового цвета с широкими балконами под полосатыми сине-белыми тентами и рассматривала красивые прямоугольные керамические кашпо с пеларгониями на подоконниках.

Белая табличка с надписью «affittare un appartamento» навела на мысль, что речь идет об апартаментах, то есть о квар-

тирах или квартире. Там же был написан телефон.

Сначала я позвонила в дверь, подождала, может, кто откроет, и потом уже набрала номер. Услышав женский голос, произнесла эти два слова с таблички, после чего добавила «я русская».

– О, руссо!

Я улыбнулась, ну, конечно, «руссо туристо»!

– Си, си! – Я и сама не поняла, откуда мне стало известно, что это словечко означает «да».

Возможно, услышала в отеле.

Далее прозвучало «моменто», и я успокоилась: скоро придет.

Я присела на ступеньку, ведущую в маленький садик, густо заросший маленькими пальмочками и олеандрами, и стала дожидаться хозяйку.

Квартира в пяти минутах ходьбы от набережной Неаполя стоила всего сто евро за ночь.

Я протянула симпатичной толстухе в белых штанах и морской футболке с якорями пятьсот евро, изобразила на своем лице неопределенность, мол, там посмотрим, может, и дольше проживу, после чего мне показали чудесную квартиру, где было все необходимое для жизни. Включая старинный кованный, выкрашенный в веселый бирюзовый цвет сундук с золочеными крепежами, на котором стопкой лежали книги и журналы.

Беленькая кухня, бело-красная спальня (подушки на бе-

лом покрывале красные, даже, я бы сказала, алые, просто резали глаза), просторная терраса, которую я снаружи приняла за балкон.

Что за чудо эти террасы!

Кадки с живыми лимонными деревьями, деревянный столик, веселый сине-белый тент, подушки на стульях – и Неаполитанский залив!

За сто евро за сутки я имела свой собственный вид на море! И не надо было платить огромные деньги, как в «Гранд-Везувии»! И хозяйка, слава тебе, господи, не назвалась моим мужем или просто Алексом...

Наконец она ушла (хотя, кстати!), ее звали Александра, почти Алекс!!!), и я без сил рухнула на кровать...

Что это было, спрашивала я себя, вспоминая наглого «американца», пытавшегося внушить мне, что я чокнутая.

Рассказать кому – не поверят?

И самое главное, объяснения этому не было! Чтобы в Неаполь этим же рейсом, что и я, прибыла женщина по имени Зоя Валентинова, в это еще можно было поверить (хотя тоже маловероятно), но то, что мужчина представился ее (моим) мужем, Алексом, – вот это полный абсурд, и именно это наводит ужас.

Так не хотелось верить, что за мной следят. Но все указывало именно на это!

Я разделась и отправилась в душ.

Пока потоки теплой воды смывали ароматную пену с мое-

го тела, я пыталась вспомнить, кто мог знать о моей поездке.

Ну конечно, девушка-оператор из турфирмы, причем девушка знакомая, мы с Алексом и прежде заказывали у нее туры. Ее звали Танечка Соснова, и на нее, на то, что она как-то связана с этим «американцем», я просто не могла подумать. Дальше, ее знакомый, Виктор, который сделал мне трехмесячный Шенген, его я вообще видела первый раз, но, если он знакомый Тани и они в связке (но так не хотелось в это верить!), то он мог кому-то сообщить.

Но не значит ли это, что за мной действительно следят? И когда началась эта слежка? Связана ли она с моим мужем? И вообще, что им всем от меня нужно?

Вот кто, к примеру, мог предположить, что моя соседка случайно увидит человека, похожего на Алекса? Никто.

Однако если в моем доме установлены камеры или звукозаписывающие устройства, тогда да, все становится понятным.

Получается, что в смерть Алекса кто-то не поверил, и все эти годы через меня пытался его разыскать.

Каждый день следящие наблюдали мои страдания, слезы, ходили или ездили за мной по пятам, когда я встречалась с другими мужчинами, знали о моих отношениях с Гольдманом (вернее, об отсутствии этих самых отношений), о его желании жениться на мне.

Быть может, слушали мои разговоры с Аликом Банком, когда мы встречались с ним, чтобы поговорить об Алексе.

Но даже если они слушали наш последний с ним разговор, не могли понять, что я собираюсь в Италию.

Я же никому об этом не сказала.

Хотя...

Я же спросила Алика, что бы он сделал, если бы случайно увидел Алекса, так сказать, после его смерти. Что, если он уцепился за эту мою фразу, плюс – инициированная мною встреча с ним. Быть может, он просто догадался, что я встретилась с Алексом и теперь занимаюсь его поиском, и это именно он, Алик, проследил за мной и узнал о том, куда я заказала билет?

Но Алик – наш друг, и он никогда бы не позволил подвергнуть меня такому стрессу там, в аэропорту. И он не стал бы мне морочить голову. И если бы только допустил, что я отправилась сюда, чтобы встретиться с Алексом, он предпочел бы открыто спросить меня об этом и уж точно не устраивать эти подставы с голубоглазым «американцем», пытавшемся внушить мне, что я сошла с ума.

После душа я разобрала чемодан, разложила и развесила вещи в шкафу, нашла в кладовке утюг и погладила белую блузку. Надела голубые шорты, блузку, привела в порядок волосы и, захватив лишь маленькую полотняную сумочку, в которой были только деньги и телефон, вышла из квартиры.

Спустившись к заливу, я увидела невероятное количество покачивающихся на волнах яхт, лодок, катеров и даже небольших кораблей.

Я подумала, какое же это счастье – иметь в Неаполе свою яхточку, пусть даже и небольшую.

Это свобода, наслаждение, сказка!

И я, мечтая, что и у меня тоже, возможно, будет тоже яхта или лодка (а почему бы и нет!), двинулась вдоль пирса, шурясь от солнца и разглядывая суда.

Морская вода бросала голубые блики на белые яхты и парусники и делала их нарядными, праздничными. Да и вся набережная, переливающаяся на солнце, казалась предназначенной лишь для счастливых людей.

Я очень хорошо запомнила то место, с которого камера русской Тамары повернула к самому берегу, туда, где за металлическими перилами начиналась полоса серо-белых каменных валунов, между которыми, собственно говоря, и прятались кошки.

Сначала я миновала основу старинной мраморной полуразрушенной колонны, в тени которой прямо на каменной площадке можно было увидеть купающихся, затем показались рыбацкие лавки, где торговали свежими морепродуктами.

Веселые загорелые рыбаки, развалиясь в тенечке под тентами на белых и голубых пластиковых стульях, о чем-то переговаривались, лениво окликая друг друга. В круглых белых емкостях в прозрачной воде томились устрицы и мидии, и каждый такой море-натюрморт был украшен желтым крупным лимоном.

Я искала глазами лавку, представлявшую собой стеклянный шкаф с размещенной внутри наклонной плоскостью и торчащими из нее колыями, на которые были нанизаны порционные куски рыб в обрамлении красивой лавровой зелени, а сверху эта морская снедь украшалась гирляндами красных перчиков и лимонами.

Вот, вот она эта лавка, за которой и начинаются серые, выбеленные солнцем валуны, вдоль которых и прохаживался с пакетом мужчина, похожий на Алекса.

Я шла медленно, разглядывая прохожих и одновременно ища взглядом кошек. И когда увидела одну, тощую белую с рыжими пятнами, сонную и одуревшую от жары, напряглась – если кошка вышла из своей прохладной каменной щели, значит, почувствовала что-то. И словно в подтверждение моих мыслей я увидела, как один мужчина в синей рубашке и небольшой серой шляпке остановился рядом с кошкой, достал из кармана жестяную банку, проворно открыл ее, из другого кармана достал ложку и принялся выкладывать консервы прямо на теплый плоский камень – из щелей сразу же выпрыгнули еще три кошки, которые сразу же набросились на еду.

Ну что ж, решила я, один шаг я уже сделала – нашла то место, где в любую минуту может появиться «Алекс».

К тому времени, как я оказалась здесь, я успела подумать и даже полюбить уже саму мысль о том, что он все-таки не турист, а житель города, потому что вряд ли турист, приехав-

ший поглазеть на Везувий, станет покупать в магазине кошачий корм.

Скорее всего, он часами будет разглядывать сувенирные лавки, набитые розоватыми нежных телесных оттенков морскими раковинами, фарфоровыми сине-белыми фигурками морячков, белоснежными морскими звездами, тарелочками с видами Неаполя... Или отправится разглядывать достопримечательности, наведается в ресторанчики, кондитерские, магазины. Но чтобы нормальный турист кормил кошек на набережной Франческо Корачоло!

Я битый час кружилась возле этого «кошачьего» места, пока не почувствовала, что страшно проголодалась. Я нашла кафешку прямо на берегу, села за столик, накрытый белой скатертью и украшенный хлебницей в форме синей лодочки, заказала, пользуясь фотографиями в меню, мидии, белое вино и пирог с кремом.

– А... Вот ты где, – услышала я над самым ухом, и от страха у меня в глазах потемнело.

Я медленно повернула голову и увидела... нет, не «американца», а Алика Банка!

Он был взмокший и дышал с трудом. Красная его рубашка в зеленых пальмах рефлексировала на его лице, делая его кожу красной. Кудри его на висках были мокрыми.

– Слушай, ущипни меня... – попросила я, чувствуя, что теряю связь с реальным миром.

Алик ущипнул за плечо, да так, что я вскрикнула.

– Слушай, ты что здесь делаешь? Как ты здесь оказалась?
И почему именно здесь?

Вопросы его не были оригинальными. Больше того, он словно отчитывал меня за то, что я нарушила какие-то там правила или обещания.

– Да в чем дело-то?! – вскричала я, уже не выдержав всего этого абсурда. – Что случилось? Что вы все за мной следите?

– Кто это «все»?

– Какой-то мужик, похожий на американца... – Я рассказала ему про встречу в аэропорту, но он во время моего рассказа смотрел на меня таким взглядом, словно жалел меня, как тяжелобольную.

– Ты это серьезно?

– Нет, придумала все! Конечно, серьезно!

– Скажи, кто этот человек и что ему нужно от тебя?

– Понятия не имею. Может, я наследница колоссального состояния, и за мной охотятся другие наследники? – Я уже и не знала, что предположить. – Может, у Алекса остались какие-то записи... Алик, что происходит? Прошло семь лет...

– Да уж... и на розыгрыш это не похоже.

– Он вел себя так, словно я сошла с ума. Хорошо, что он меня Алексом не назвал...

И тут Алик улыбнулся.

– Зоя, ты – бесподобна! Всегда ценил твое чувство юмора. Ладно, расслабься... Теперь к тебе никто не подойдет, это я тебе обещаю.

– В смысле?

– Буду твоим телохранителем.

Теперь настала моя очередь засмеяться, глядя на худенького и хрупкого с виду Алика.

– Ну да, конечно! Да только мне не нужен никакой телохранитель. Не думаю, что меня побеспокоят еще. Я приехала сюда отдыхать, и больше не поведу себя ни на какую провокацию. Но как ты меня нашел? Как узнал, что я здесь?

– Да просто... Ты, когда приехала ко мне со своими эклерами, я понял, что с тобой не все в порядке. Историю еще какую-то рассказала про Алекса, точнее, про мужика, которого видела где-то в кафе. Я предположил, что это была галлюцинация. Обратился к одному человечку, попросил проследить за тобой, ты уж извини, действовал исключительно в благих целях. Вот он и сказал, что ты собираешься в Италию. Я отправился в то же самое туристическое бюро, познакомился со Светланой, постарался обаять ее и сказал, что я твой друг и что хотел бы найти тебя.

– И что она, вот прямо так меня и сдала?

– Всем деньги нужны, – он поджал губы.

В сущности, ничего криминального и даже обидного для меня в его поступке не было. Вот если бы я отправилась с мужчиной, а он следил, тогда другое дело. А так... Думаю, что он поступил, как настоящий друг, обеспокоившийся моим состоянием.

– Ладно, я тебя прощаю. Даже рада, что ты здесь. Но толь-

ко давай договоримся – здесь ты за мной не следишь, и мы встречаемся, только когда я этого захочу.

– Да без проблем!

И только когда мы с ним уже обменялись дружескими и вежливыми фразами, я вдруг поняла, что присутствие Алика может помешать осуществить мне тот план, ради которого я, собственно, сюда и приехала! Если я встречу двойника Алекса и рядом будет Алик, то как мне тогда поступить? Просто какая-то засада!

Спрашивала ли я себя, связан ли Алик с «американцем»? Да, конечно. Но ответ всегда был один: нет!

Алик слишком умен (не зря же он был самым близким другом моего покойного мужа), чтобы организовывать или просто принимать участие в подобном действии. Да и смысла во всем этом не было никакого.

Создавалось впечатление, будто бы те, кто пытался организовать эту встречу со мной, просто не успели как следует подготовиться, однако цель перед этим бездарным актеришкой была поставлена вполне себе четкая – попытаться свести меня с ума.

Хотя возможно, что цель была просто познакомиться, но этот статист не придумал ничего другого, как сделать это вот таким идиотским способом, довольно цинично напомнив мне о моем муже.

Говорить на эту тему с Аликом можно было долго, но зачем, когда он ничего не знал? Поэтому я предложила

ему распланировать наш маршрут пока что на сегодняшний день, сказала, что хотела бы посмотреть крепость, расположенную как раз напротив отеля «Гранд-Везувий».

Алик сказал, что готов исполнить любое мое желание, но прежде съесть несколько мидий и точно такой же пирог, как и у меня.

К «Замку Яйца», представлявшему собой средневековую мрачноватую крепость и находящемуся на маленьком острове, надо было добираться по дамбе.

– «...замок на острове Мегариде получил название „**Кастель дель Ово**“, или Замок Яйца. Говорят, в скале, на которой построен замок, запрятана амфора с яйцом, которую схоронил не кто иной, как сам Вергилий. А если яйцо разобьется, то и Неаполь погибнет. Другая версия названия – замок в плане имеет длинную и узкую форму, напоминающую яйцо», – читала я русскую версию путеводителя по Неаполю.

Алик слушал меня с рассеянным видом, словно ему это было совсем уж неинтересно.

– Послушай, может, ты вернешься в Москву? – наконец не выдержала я. – Ну что со мной может случиться? Если же ты что-то знаешь, то скажи прямо сейчас.

Мы остановились на крепостной дороге, обрамленной каменными перилами, по обеим сторонам от нас возвышались две башни, составляющие начало и основу всей крепости. Желтоватые камни местами почернели от времени.

– Да нечего мне говорить, Зоя. Просто прилетел за тобой,

побоялся, что ты что-нибудь сделаешь с собой.

– Я? Да с чего ты это взял?

– Ты оставила свои розы...

– Во-первых, я оставила их на одну мою хорошую знакомую садовницу, Милу, которой пообещала за то, что она будет их поливать, десять корней «остинок»... Хотя ты не знаешь, кто такой Девид Остин... Постой, так ты что, был у меня? Может, встречался с Ладой?

Он смотрел на меня с такой печалью во взгляде, что у меня сердце сжалось.

Неужели Лада рассказала ему о двойнике из Неаполя? Хотя что же тут удивляться, если я, не сказав ей ни слова, так быстро собралась и уехала?

Наверняка она обиделась на меня, и по возвращении мне предстоит довольно неприятный разговор с ней.

Да-да, точно, обиженная, она с радостью выболтала Алику все, что происходило в моей жизни в последнее время (если принятие еды и сон являются событиями, то их было вполне достаточно, чтобы это обсудить с посторонним человеком), а потом перешла к десерту разговора – лимонному кексу.

Двойник мужа плюс мой визит к Алику, затем поездка в Неаполь – говорю же, Алик не дурак, он сразу понял, куда и зачем я еду.

– Ну что ты на меня так смотришь? – Слезы подступили к горлу. – Что? Осуждаешь меня?

– Какое право я имею осуждать? Нет, просто боюсь за те-

бя...

– Знаешь, вам всем нужно было раньше проявлять инициативу и делать все, чтобы хотя бы тело его нашли... Его нет, ты сам это отлично знаешь, потому что, если бы он был жив, то уж нашел бы способ со мной связаться. А раз так, раз я вдова, то вправе жить так, как я хочу. И мне непонятно, почему, стоило мне только тронуться с места, покинуть свою деревню, как вокруг меня начали происходить какие-то странные вещи. Вы что, действительно все считаете, что я нашла Алекса? Алик, ты думаешь, что если бы он был жив, я бы не сообщила тебе?

– Ладно, Зоя, прости... Ты права. И я перешел все границы, приехав сюда... Ты – свободный человек и вправе делать все, что считаешь нужным. И чтобы тебя успокоить, скажу тебе уж всю правду – я, как и ты, был просто околдован этим видео, которое показала мне Лада...

Я выругалась. По-русски. Разозлилась на нее страшно.

– И что? Тоже предположил, что это он?

– Нет, конечно. Но мне, как и тебе, захотелось «его» увидеть, вот и все.

– Врешь. Ты не стал бы покупать билет, если хотя бы не предположил, что это может быть он. Мы оба знаем, что тела нет. Он мог потерять память, знаешь, как это показывают в кино. Его просто могли похитить, вот и все. Сейчас весь мир борется с раком, конечно, такой ученый, как он, просто драгоценность для врачей и фармацевтов.

– Да, конечно... – пробормотал Алик, пряча от меня почему-то глаза. – Ты права.

– Ладно, расслабься. Пойдем уже рассматривать крепость.

В этом Замке Яйца я несколько раз видела человека, который вполне мог бы сойти за того двойника. И как только я видела его, сразу же прибавляла скорость и, не говоря ни слова Алику, неслась вдоль крепостной зубчатой стены вверх, в очередную мрачную башню, надеясь там найти этого человека, но он исчезал.

Как мираж, как привидение, как галлюцинация.

И если бы не Алик, блуждать бы мне по этому замку день за днем, пока бы силы не закончились...

Но все равно, как бы я ни доверяла Алику, мне не хотелось бы, чтобы он знал мой адрес, поэтому, пообедав в ресторанчике на берегу, я поблагодарила Алика за приятную экскурсию, за заботу, мы обменялись номерами телефонов, и я, сказав, что хотела бы еще немного походить по магазинам, весьма культурно рассталась со своим «смотрящим».

На самом деле мне было не до магазинов.

Я, постоянно оглядываясь и меняя маршрут, петляя по улочкам, добралась до своей квартиры и, уставшая, просто без ног, упала на кровать.

Проснулась от стука в дверь.

Алик?

Набросив на себя халат, подошла к двери, взглянула в глазок. Распахнула дверь.

– Боже мой, как же ты постарел... – и бросилась в объятия Алекса.

Пробуждение было тяжелым.

Сон на закате почти всегда гарантирует головную боль. Но у меня голова болела, конечно же, не от заката.

Слишком уж много мыслей роилось в моей голове, и те, кто запустил в мое сознание червоточину сомнений и страхов, знали, что добром это не закончится. Что ни один нормальный человек не сможет оставить без внимания появление «американца».

Даже проявившегося в знойном воздухе Неаполя Алика еще можно как-то объяснить, но табличку с моей фамилией в аэропорту – нет.

Я приняла душ, приготовила себе кофе в маленькой кухне (в шкафчике я нашла и кофе, и кофеварку, и сахар, и даже печенье!) и вышла на террасу – выпить кофе и полюбоваться на закат.

Вон она, крепость, словно полита малиновым сиропом (или кровью?), пылает всеми красками заката, а напротив нее – отель «Гранд-Везувий», где в одном из номеров на втором этаже проживает тот, кого наняли (причем за немалые деньги, это уж точно!), чтобы он встретил меня в аэропорту и привез в этот самый отель. Зачем? Зачем?! Что им от меня нужно?

Тогда я сильно уж была напугана, чтобы решительно спро-

свить об этом. Но сейчас, когда в Неаполь приехал Алик, мне было к кому обратиться за помощью.

У меня из головы не выходила эта дорогостоящая операция, связанная с моим именем. Что-то необъяснимое клубилось вокруг меня, и мне необходимо было во всем разобраться. А как это сделать?

Я вернулась на кухню, достала нож, сунула в сумку, оделась в более-менее вечерний наряд – длинную прозрачную черную юбку и красную блузку, удобные туфли (для случая, если придется бежать) и вышла из квартиры.

Вся набережная сверкала огнями ресторанов и кафе, звучали музыка, смех, пахло жареной рыбой, духами от проходящих мимо меня нарядных женщин.

Понимая, что у меня нет другого способа прояснить историю с «американцем», я решительно, сделав вид, что бывала здесь сто раз, вошла в роскошный холл «Гранд-Везувия» и, даже не глядя в сторону ресепшена, перед которым, к счастью, толпились несколько человек, возможно, группа туристов, отправилась по уже известному мне маршруту, к лифту, на котором поднялась на второй этаж.

Вот он, знакомый коридор, который теперь был освещен светильниками, а вот и стеклянная стена, за которой в багряной дымке пламенел Везувий. Еще несколько шагов, и знакомая дверь, за которой «золотая комната» человека, выдававшего себя за моего мужа.

Сначала я постучала.

Тишина.

Затем взялась за ручку и повернула. Дверь приоткрылась.

– Алло! – тихо позвала я, потом на «американский» манер: – Хэлло!

В номере было темно.

Я нашарила на стене выключатель, вспыхнул свет.

Вот он, золотой столик на гнутых ножках, полосатые золотистые обои...

Я сделала пару шагов и чуть не закричала, увидев на полу, на ковре расprostертое тело «американца». В его груди торчал нож, ковер рядом с телом потемнел от крови.

Отлично. Попалась, как муха в паутину.

Вероятно, это и был план, который только что сработал, и ловушка захлопнулась. Через минуту здесь появятся полицейские. И меня арестуют!

Я открыла сумку, достала платок и метнулась к двери, тщательно вытерла ручку, затем догадалась протереть и выключатель на стене.

Тихо, на цыпочках, я вышла из номера, ногой прикрыв за собой дверь и, слегка пошатываясь на непослушных ногах, двинулась в сторону лифта. Дождалась, когда он приедет, вошла в его янтарно-зеркальную яркость, спустилась вниз и, едва сдерживаясь, чтобы не броситься наутек, важно прошествовала к выходу.

Конечно, я понимала, что где-то наверняка установлены видеокamеры, и когда найдут труп, то будут тщательно про-

смаатривать все записи. Но с другой стороны, кто знает, когда он был убит, может, вчера или сегодня утром. Да здесь толпы туристов прошли за это время!

Если в номере было темно, значит, убили его при свете дня, то есть за несколько часов до моего появления здесь.

Я вышла на свежий воздух и отправилась подальше от отеля. Не помню уже, сколько я шла вдоль набережной, пока не увидела свободный столик (пара туристов только что поднялась со своих мест).

Столик находился в углублении террасы, что меня, собственно, и привлекло. Не хотелось, чтобы меня увидел тот же прогуливающийся в этот вечерний час Алик. А так я могла, находясь в тени, наблюдать за всем, что происходит вокруг меня.

Подошедший официант быстро убрал тарелки с остатками пиццы, салата и пустые бутылки, положил передо мной меню.

Есть мне не хотелось по понятным причинам. Хотя, с другой стороны, почему бы не заесть стресс ароматной ромовой бабой?!

Кофе подали в прогретой чашке, словно знали, что я, когда нервничаю, начинаю мерзнуть.

Ромовая баба немного меня успокоила.

Мои мысли потекли по параллельному тревогам руслу: с чего бы мне вообще переживать? Не я же убила этого «американца»!

Хотя, может, кто и вспомнит, как мы вместе с ним входили утром в отель. Ну и что?

Не знаю, когда его прирезали, как поросенка, но меня-то тогда в отеле не было.

У меня было алиби – моя квартирная хозяйка Александра. Затем – Алик (если он мне, как и Алекс во время дневного сна, не приснился). Да и вообще меня наверняка с кем-то спутали!

И тут я увидела *его*.

Того, ради кого и приехала сюда.

Это был точно он. Но на этот раз не кормил кошек, а просто шел походкой уставшего человека вдоль набережной с большой черной папкой в руке, на плечо его был наброшен ремень темно-синей мужской сумки.

Оставив на столике деньги, я быстро встала и пошла за ним.

Я шла как загипнотизированная. И если бы он пошел прямо по воде, я, не задумываясь, отправилась бы следом...

Я смотрела на него – спина, ноги, волосы... Да, кое-что изменилось, он стал более сутулым, но рост такой же, волосы... Я никогда не видела своего мужа с такими длинными волосами.

Иногда он останавливался, чтобы поправить ремень сумки или поставить папку на землю, перехватить веревочные ручки.

Я останавливалась тоже, пыталась спрятаться за спины

прохожих, чтобы он, не дай бог, не обратил на меня внимание.

Затем мужчина, которого я принимала за Алекса, свернул на узкую улицу, идущую вверх, в противоположную сторону от залива, где почти не было людей, и лишь увитые зеленью фонари освещали каменные стены домов.

Каблучки моих туфель производили определенный шум, и тогда я, чтобы он не заметил меня, быстро скинула их и пошла по теплым каменным плитам босая.

Кружева моей юбки шуршали, выдавая мое присутствие, и мужчина уже пару раз обернулся, чтобы увидеть, кто его преследует. Но убедившись, что это всего лишь девушка, а не какой-нибудь бандит, спокойно продолжил свой путь.

Инстинкт самосохранения в то время оставил меня, я шла по ночной улице за незнакомым мне мужчиной, даже не думая о том, как буду добираться обратно домой, в свою квартиру. А то, что я нахожусь ну очень далеко от нее, было очевидным.

Не помню, сколько по времени я шла за ним, пока он наконец не остановился перед домом, часть белой при свете фонаря стены которого занимала массивная деревянная резная дверь.

Мужчина достал ключ из сумки и открыл дверь. Вошел внутрь и вдруг сделал шаг назад и, обращаясь ко мне (причем лицо его было серьезным), спросил меня:

– Vene, vieni?²

– Что? Вы мне?

Он кивнул и сделал жест руками, как бы приглашая меня войти.

Я стояла в нерешительности в пяти шагах от него, босая, перепуганная, обнаруженная.

– Вы по-русски не говорите?

– Russo? – Он усмехнулся и покачал головой.

Нет, он не понимал.

Он еще что-то мне говорил, приглашая войти, и я теперь могла увидеть его хорошо освещенное фонарем лицо. Но это точно был Алекс.

Он звал меня, и как я могла не пойти за ним?

Однако я продолжала стоять на месте – рыдания распирали меня где-то внутри, в груди, я стала задыхаться.

И тогда этот итальянец, опустив свои сумки-папки на плитки крыльца, подошел ко мне и взял за руку. Но не потянул, а словно сам ждал моего решения, согласия, движения. И тогда я кивнула головой и пошла за ним, наслаждаясь его теплой рукой.

В какое-то мгновение он провел ладонью по моим волосам, щеке и успел даже слегка коснуться губами моих губ.

Вот просто уложился в одну секунду!

На нем были все те же голубые джинсы, белая мятая рубаха. Спутанные волнистые волосы на самой макушке выго-

² Ты идешь? (итал.)

рели от солнца.

Мне все еще не верилось, что я нашла его. Что мне повезло увидеть его в первый же вечер моего пребывания в Неаполе. Разве не для этого я приехала, чтобы увидеть его? Так чего же теперь отступить? Я всегда успею вернуться на квартиру, как и купить билет на самолет в Москву. Куда все это от меня денется? Никуда. Я должна жить здесь и сейчас. И должна поверить в то, что передо мной мой муж, Алекс.

– Алекс, – тихо позвала я его.

Он же, решив, что это мое имя, широко улыбнулся и представился:

– Дино.

Я беззвучно зарыдала. Одной грудью.

Словно мое разочарование и возмущение клокотали внутри меня, позволяя глазам оставаться сухим.

Мы вошли с ним в маленький дворик, вспыхнул свет, и я увидела белый стол, каменные скамьи с керамическими горшками с пеларгониями, плетеные стулья, под ногами – цветная красно-зеленая плитка.

Дино распахнул стеклянную дверь, ведущую теперь уже в дом, внутри зажегся свет, и я увидела желтые стены большой мастерской, заваленной бумагой, деревянными рамками. Вдоль стены тянулись полки с разноцветными баночками, вазы с сухими цветами, керамические банки с кистями и карандашами. Возле окна стояла мраморная статуя ангела

и старый мольберт.

– Я не знаю итальянский, да и английский – через пень-колоду... – начала я, – поэтому я не могу объяснить тебе, почему я здесь. Ты, Дино, как две капли воды – мой муж Алекс.

– Алекс? – Он, освободившись наконец от своей поклажи, подошел ко мне, обнял за талию и привлек к себе.

Моя щека уперлась в разрез его рубашки, я почувствовала его тепло и запах табака, моря, одеколona, скипидара.

– Скажи, что ты здесь делаешь? Как ты здесь оказался? Какая нелегкая принесла тебя сюда? Скажи!!! Как мог ты так поступить со мной?!!

Кажется, я тогда я своим криком сорвала голос.

Дино же ничего не ответил, подхватил меня и унес куда-то в глубину дома...

8

Глубокой ночью, обезумевшая от нахлынувших чувств и воспоминаний, дрожащая от любовного озноба, я взяла Алекса за руку, вытянула из постели, и мы вышли с ним во дворик.

Здрав голову, я смотрела на черно-синее, в россыпи звезд, небо и молча ждала того чуда, без которого прожила долгие семь лет. Нас окружали горшки с пеларгониями и какие-то, казавшиеся призрачными, растения.

Я уже мало что понимала, голова моя кружилась, и я не знала, счастлива ли я или, наоборот, опустилась еще на одну ступень своего горестного одиночества или даже безумия.

– Ну, давай же! – взмолилась я, глухо рыдая и чувствуя, как по моим щекам катятся слезы. Я еще крепче взяла его за руку. – Алекс, пожалуйста...

Но ничего не происходило.

Должно быть, здесь, куда он телепортировался (иначе как назвать его проживание в Неаполе?!), не было тех волшебных таблеток, которыми он потчевал меня каждый раз в такие минуты особой близости.

Я попыталась как-то подняться, встала на кончики пальцев, набрала побольше воздуха в легкие, но, увы, ничего не происходило.

Конечно, это был не Алекс.

Это был неаполитанский художник по имени Дино. И я пришла к нему ночью, как последняя...

Мы вернулись в дом, я легла, устроив голову ему на плечо, и сразу же уснула.

Думаю, даже во сне я продолжала плакать, сожалея о том безвозвратно исчезнувшем из моей жизни счастье, которое длилось так недолго.

Утром, не желая, чтобы он увидел меня, опухшую от слез, уставшую, счастливую и разочарованную одновременно, я, подобрав с прохладного мозаичного пола одежду, вышла из дома. Во дворике быстро оделась и буквально выбежала на улицу, случайно громыхнув калиткой. И была потрясена, когда тотчас столкнулась лицом к лицу с Аликом, который словно поджидал меня у ворот. У него был сонный вид.

– Ты как здесь? – Я не могла поверить своим глазам. – Ты что, следил за мной? Зачем? Что тебе нужно?

– И тебе доброе утро, – сдержанно, опустив глаза, сказал Алик, ежась от утренней прохлады, которая сковала и меня. С моря тянуло свежестью и запахом рыбы. – Пойдем. Сейчас еще рано, все кафе закрыты, но я снял тут неподалеку квартиру, мы можем там выпить кофе.

У меня не было сил именно тогда продолжать задавать ему вопросы, я решила, что это можно будет сделать после чашки кофе, чтобы хотя бы согреться.

Мы поднялись по этой же улице, где находился дом Дино, свернули в узкий проулок и оказались возле дома, белого,

элегантного, с арочной массивной дверью, украшенной кованой медной ручкой.

– Ты живешь здесь, в двух шагах от него? – удивилась я. – Хочешь сказать, что я поверю в такое совпадение?

– О каком совпадении речь? – пробормотал он, доставая ключи и вставляя в замок, при этом даже не глядя на меня. – Да, я следил за тобой, понял, что ты медленно, но верно влипаешь в какую-то очередную нехорошую историю, а потому решил действовать. Ночью и снял тот дом.

– Да кто тебе поверит? – хрипло рассмеялась я, начиная испытывать к Алику какое-то саднящее неприятное чувство, словно он на глазах превращался в предателя. – Ночью снял вот этот дом?

– Сначала я шел за тобой, потом, когда ты свалила с этим типом...

– Ты хочешь сказать, вошла в его дом? – усмехнулась я.

– Да, когда ты, оставив голову на пороге, вошла к нему, я понял, что тебя надо спасать.

– Удивительно, что ты не стал ломиться к нам... – сказала я, чувствуя, что краснею.

Мне даже жарко стало, хотя еще недавно дрожала от холода.

– Я покругил вокруг дома, потом поднялся сюда, увидел табличку, что дом сдается...

– Так дом или квартира? Ты уж определись, что врать-то!

– Хорошо – дом, – он отпер дверь и впустил меня при-

мерно в такой же уютный, заросший цветами дворик, как в доме Алекса (или Дино). – Там был указан телефон, я позвонил, сказал по-английски, что хотел бы снять его. Хозяин пришел, я заплатил ему за неделю, и он впустил меня!

– Ночью, да? – не сдавалась я, во всем уже подозревая какой-то подвох.

С одной стороны, меня сильно напрягало, что за мной следили, что Алик знает, что я провела ночь в объятиях мужчины, с другой, я была так вымотана и напугана собственным поступком, что его присутствие меня как бы защищало от меня самой.

Все, ну все было странно!

Алик провел меня в дом, по ходу включая светильники на лестнице, в холле, гостиной (рассвет еще не успел наполнить Неаполь солнцем). Мы шли, ступая по розовому мрамору полов, и я спрашивала себя, не снится ли мне все это?

Как быстро мы с Аликом освоились в этом прекрасном городе, каким гостеприимным он нам показался, да и жители как будто бы жили без проблем, сдавая круглосуточно свои квартиры и виллы приезжим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.